

rocketbook

Рэй БРЭДБЕРИ

Механизмы радости

Pocket book (Эксмо)

Рэй Дуглас Брэдбери
Механизмы радости

«Эксмо»

1964

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Брэдбери Р.

Механизмы радости / Р. Брэдбери — «Эксмо», 1964 — (Pocket book (Эксмо))

ISBN 978-5-04-188555-7

У этих механизмов никогда не бывает сбоев. Они вечны, как вечный двигатель и снега на вершине Килиманджаро. Потому что человек, их создавший, один из лучших в мире выдумщиков небывалых вещей, Рэй Брэдбери, писатель, фантаст, поэт, для которого создавать механизмы радости такое же привычное ремесло, как для пекаря делать хлеб, а для винодела – вино. Великий Брэдбери. Он покинул этот мир в 2012 году, но его увлекательные истории и незабываемые образы, его механизмы радости с нами навсегда!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-188555-7

© Брэдбери Р., 1964
© Эксмо, 1964

Содержание

Механизмы радости	6
Тот, кто ждет	15
Tyrannosaurus Rex	20
Каникулы	30
Юный барабанщик из Шайлоу	35
Ребятки! Выращивайте гигантские грибы у себя в подвалах!	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рэй Брэдбери

Механизмы радости

Ray Bradbury
The Machineries of Joy

© 1964 by Ray Bradbury
© Оганян А., перевод на русский язык, 2023
© Задорожный В., перевод на русский язык, 2023
© Чарный В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Механизмы радости

– Разве не писал где-то Блейк про Механизмы Радости? – спросил отец Витторини. – Ведь сотворил же Господь землю и заставил ее разродиться плотью – потешными мужами и женами наподобие нас с вами? И разве мы – цветущие, сообразительные и добродетельные, однажды в безмятежный полдень радостно отправленные в свет, в благодатные края – не суть Механизмы Радости Господа Бога?

– Если Блейк такое говорил, – ответил отец Брайан, – значит, он никогда не жил в Дублине.

Спускаясь на завтрак, отец Брайан задержался, услышав внизу смех отца Витторини, который, по своему обыкновению, трапезничал в одиночестве. С кем же или над кем он смеялся?

Над нами, подумал отец Брайан, *над кем же еще.*

И снова прислушался.

Напротив по коридору в своей комнате отец Келли тоже притаился, а точнее, медитировал.

Они никогда не давали отцу Витторини закончить завтрак, о нет, а всегда ухитрялись присоединиться к нему, пока он дожевывал последний ломтик тоста. Иначе их весь день мучили бы угрызения совести.

И все же снизу доносился смех, не так ли? Отец Витторини откопал что-то в утренней «Таймс». Или, того хуже, провел полночи в прихожей за компанию с безбожным призраком, незванным гостем – телевизором, погрязая одной ногой в сумасбродстве, другой – в отчаянье. Уж не замышляют ли извилины Витторини, промытые электронным чудищем, очередную буйную изошренную сатанинскую проделку? Уж не закрутились ли колесики в его беззвучном мозгу, пока тот сидит и нарочно постится, надеясь приманить их, снedaемых любопытством, своим итальянским смехом?

– О боже, – вздохнул отец Брайан, нащупав конверт, заготовленный прошлой ночью. Он затолкал его за пазуху в качестве оберега на случай, если решится вручить его пастору Шелдону. Способен ли отец Витторини разглядеть его сквозь сукно своим быстрым, темным, рентгеновским зрением?

Отец Брайан крепко прижал руку к лацкану, чтобы разглядеть малейшие признаки прошения о переводе в другой приход.

– Вперед.

И отец Брайан спустился по ступенькам, нашептывая молитву.

– А, отец Брайан!

Витторини поднял глаза с тарелки хлопьев с молоком. Невежда не удосужился даже посыпать кашу сахаром.

Отцу Брайану почудилось, будто он шагнул в пустую шахту лифта.

Чтобы спастись, он инстинктивно вытянул руку, прикоснувшись к крышке телевизора, которая оказалась теплой. Он не сдержался и спросил:

– Ночной сеанс?

– Да, просидел весь вечер перед телевизором.

– Именно, просидел! – фыркнул отец Брайан. – Сидят с больными или у смертного одра, не так ли? Я и сам когда-то неплохо справлялся со спиритической доской. В ней и то ума было больше. – Он отвернулся от электрического уродца, чтобы присмотреться к Витторини. – И вы слышали душераздирающие завывания ведьмаков из... как его? Канаверала?

– В три часа ночи запуск отменили.

– А на вид вы как стеклышко. – Отец Брайан приблизился, покачивая головой. – Что правдиво, не всегда справедливо.

Витторини энергично орошал хлопья молоком.

– А у вас, отец Брайан, такой вид, будто вы ночью совершили большое турне по аду.

К счастью, в этот момент вошел отец Келли. Он тоже опешил, узрев скромные успехи Витторини в поедании своих припасов. Пробурчал что-то обоим святым отцам, уселся и посмотрел на взволнованного отца Брайана.

– В самом деле, Уильям, вид у тебя неважнецкий. Бессонница?

– Есть немного.

Отец Келли оглядел обоих, склонив голову набок.

– Что тут происходит? Что-то стряслось, пока я был в отлучке прошлой ночью?

– У нас тут вышел небольшой спор, – ответил отец Брайан, перемешивая ужасные кукурузные хлопья.

– Небольшой спор! – сказал отец Витторини. – Ирландского священника озадачил итальянский Папа.

– Полноте, отец Витторини, – возразил отец Келли.

– Пусть продолжает, – предложил отец Брайан.

– Благодарю за дозволение, – очень вежливо сказал Витторини, по-дружески кивнув. – Папа является постоянным источником благочестивого раздражения по меньшей мере некоторой части, если не всего ирландского духовенства. Почему нету Папы по имени Нолан? Почему шапочка красная, а не зеленая? И вообще, почему бы не перенести собор Св. Петра в Корк или Дублин, скажем, в двадцать пятом веке?

– *Этого-то*, надеюсь, никто не говорил, – сказал отец Келли.

– Я человек гневный, – сказал отец Брайан, – и во гневе мог бы это *подразумевать*.

– Гневный? С какой стати? И с какой целью это *подразумевать*?

– Вы слышали, что он сейчас сказал про двадцать пятый век? – спросил отец Брайан. – Это когда Флэш Гордон и Бак Роджерс влетают в окно баптистерия, пока ваш покорный слуга пытается найти выход.

Отец Келли вздохнул.

– О боже, опять эта шутка?

Отец Брайан почувствовал, как кровь обожгла его щеки, но заставил ее отхлынуть в более прохладные части тела.

– Шутка? Да такие шутки ни в какие ворота не лезут! Целый месяц только и слышишь: Канаверал, траектории, астронавты. Можно подумать, на дворе Четвертое июля: он ночами напролет носится со своими ракетами. Это не жизнь, а полуночный разгул в вестибюле в обнимку с машиной Медузы Горгоны, которая замораживает разум всякому, кто на нее только взглянет. Я не могу уснуть при мысли, что в любой миг весь дом может взлететь на воздух.

– Это понятно, – сказал отец Келли. – Но какое это имеет отношение к Папе?

– Не к нынешнему, а к предпоследнему, – устало сказал отец Брайан. – Отец Витторини, покажите ему газетную вырезку.

Витторини пребывал в нерешительности.

– Покажите, – настаивал отец Брайан.

Отец Витторини достал небольшую газетную вырезку и положил на стол.

Отец Брайан разобрал напечатанные дурные вести даже в перевернутом виде: «ПАПА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ РЫВОК В КОСМОС».

Отец Келли дотянулся одним пальцем, чтобы слегка прикоснуться к вырезке. Он вполголоса прочитал заметку, проводя ногтем под каждым словом:

– «КАСТЕЛЬ-ГАНДОЛЬФО, ИТАЛИЯ, 20 СЕНТ.

Сегодня Папа Пий XII благословил усилия человечества по завоеванию космоса. Понтифик заявил делегатам Международного астронавтического конгресса: „Господь не намерен ограничивать усилия человека по завоеванию космоса“.

Папа принял 400 делегатов из 22 стран в своей летней резиденции.

„В этот момент освоения человеком открытого космоса этот Астронавтический конгресс приобретает огромную важность, – отметил Папа. – Он затрагивает все человечество... Человечество должен приложить усилия, дабы по-новому осмыслить свое место относительно Бога в его вселенной“».

Голос отца Келли умолк.

– Когда она была напечатана?

– В 1956 году.

– *Так* давно? – Отец Келли положил вырезку. – Я ее не читал.

– Похоже, – сказал отец Брайан, – мы с вами вообще мало читаем.

– Ее вполне можно было упустить из виду, – сказал Келли. – Она же такая крошечная.

– Но в ней великая идея, – вдохновенно подхватил отец Витторини.

– Дело в том...

– Дело в том, – перебил его Витторини, – что, когда я впервые заговорил об этой заметке, моя правдивость оказалась под большим вопросом. А теперь, как видите, я очень близок к правде.

– Конечно, – быстро согласился отец Брайан, – но, как писал наш поэт Уильям Блейк, «если у правды умысел злой, будет она хуже кривды любой».

– Да, – Витторини проявил еще больше дружелюбия. – А не писал ли Блейк:

«В том, что видишь – не сомневайся,

А то не уверуешь, как ни старайся.

Коль Солнце и Луну терзали бы сомнения,

То им не миновать мгновенного затмения».

– Очень даже подходит, – добавил итальянский священник, – к Эпохе космоса.

Отец Брайан смерил взглядом одиозного субъекта.

– Я был бы вам признателен, если бы вы не цитировали нам нашего же Блейка.

– *Вашего* Блейка? – переспросил худощавый бледный человек с ровным свечением темной шевелюры. – Любопытно, а я всегда думал, что он англичанин.

– Поэзия Блейка, – изрек отец Брайан, – всегда служила источником утешения моей матушке. Она говаривала, что по материнской линии он ирландец.

– Покорно признаю, – согласился отец Витторини. – Но вернемся к заметке. Теперь, когда мы ее обнаружили, самое время заняться изучением энциклики Пия XII.

Настороженность отца Брайана, служившая ему запасной нервной системой, подала сигнал тревоги, заставив поежиться.

– Что еще за энциклика?

– Ну как же, про космические путешествия.

– Не может быть!

– Может.

– Энциклика? Про космические путешествия?

– Особая.

Оба ирландских священника чуть не опрокинулись на своих стульях от взрывной волны.

Отец Витторини выщипывал приставшие к рукаву ворсинки и крошки со скатерти, словно отряхиваясь после взрыва.

– Мало того что он пожимал руки астронавтской братии, расхваливал и все такое, – говорил отец Брайан упавшим голосом, – так он еще и сочинительством занялся.

– Более того, – сказал отец Витторини, – я слышал, он вознамерился высказаться о проблеме жизни в других мирах и ее воздействии на христианское мышление.

И каждое из этих слов буквально вдавливало их обоих в спинки кресел.

– Вы *слышали*? – повторил отец Брайан. – А сами еще не читали?

– Нет, но собираюсь...

– У вас уйма планов, а помыслы ужасны. Отец Витторини, иногда, как ни прискорбно, вы говорите совершенно неподобающим образом для священнослужителя Матери-Церкви.

– Я говорю, – ответил Витторини, – как итальянский священник, оказавшийся в меньшинстве на зыбком богословском болоте, среди превосходящих сил клерикалов по имени Шоннеси, Налти и Флэннери, которые устраивают толчею и давку, как стадо оленей или бизонов, стоит мне прошептать слова «папская булла».

– Не сомневаюсь, – и тут отец Брайан покосился в сторону аж самого Ватикана, – что это вы, если бы могли находиться там, надоумили Его Святейшество заниматься всей этой космической белибердой.

– Я?

– Вы! Ну не мы же! Именно вы притаскиваете ворохами глянцевого журналы с космическими кораблями на обложках, с грязными зелеными монстрами о шести глазищах и семнадцатью драндулетами, гоняющимися за полураздетыми девицами на какой-нибудь очередной луне. Я же слышу, как вы по ночам повторяете за телечудовищем обратный отсчет: десять, девять, восемь – и так до единицы, от чего мы страдаем в ожидании жутких содроганий, от которых вот-вот повыскакивают пломбы из наших зубов. Вы – один итальянец здесь, другой в Капель-Гандольфо, прости меня, Господи, – умудрились повергнуть в уныние все ирландское духовенство!

– Мир вам обоим, – сказал, наконец, отец Келли.

– Я обрету мир, чего бы это ни стоило, – сказал отец Брайан, доставая конверт из кармана.

– Уберите, – велел отец Келли, догадываясь о содержимом.

– Пожалуйста, передайте это пастору Шелдону.

Отец Брайан грузно поднялся, озираясь в поисках выхода из комнаты, и неожиданно исчез.

– Видите, что вы натворили! – сказал отец Келли.

Не на шутку озадаченный, отец Витторини прервал трапезу.

– Однако же, отец Келли, я всегда считал это дружеской перебранкой: он подтрунивал надо мной, я – над ним; его розыгрыши были грубоваты, мои – помягче.

– Ваши игрища затянулись, и забавы, будь они неладны, приняли нешуточный оборот! – сказал Келли. – Ах, вы не знаете Уильяма, как знаю его я. Вы и впрямь нанесли ему рану.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы залатать ее пластырем.

– Латайте седалище своих штанов! Прочь с дороги! Теперь это моя забота. – Отец Келли схватил со стола конверт и посмотрел на просвет. – Рентгеновский снимок души несчастного человека. О боже!

Снова оставшись в трапезной наедине с собой, отец Витторини вспомнил о паре-тройке непрожеванных кукурузных хлопьев, начисто лишенных вкуса. И пришлось долго и медленно работать челюстями, чтобы их проглотить.

Только в послеобеденный час в чухлом садике на задворках церковного дома отец Келли встретился с отцом Брайаном и вернул конверт.

– Вилли, я хочу, чтобы ты это порвал. Я не допущу удалений в разгар игры. Сколько времени длится это ваше противостояние?

Отец Брайан вздохнул, взял конверт, но рвать не стал.

– Это нашло на нас мало-помалу: сначала я цитировал ему ирландских авторов, а он мне – итальянские оперы. Потом я описывал ему Келлскую книгу в Дублине, а он был моим гидом по Ренессансу. Хвала Господу за малые радости: если бы он обнаружил папскую энциклику про пресловутые космические путешествия раньше, я бы ушел в монастырь, где святые отцы хранят обет молчания. Но даже там я бы слышал и вел обратный отсчет запусков в Канаверале на языке жестов. Какой бы из него получился адвокат дьявола!

– Полноте!

– Я потом искуплю вину за это. Просто этот тюлень, черная выдра, резвясь, поигрывает с догмой Церкви, словно с пестрым мячиком. Пускай тюлени кувыркаются себе на здоровье, но не надо их примешивать к истинным ортодоксам, как ты и я! Простите меня за гордыню, отец Келли, но вариации на тему истины происходят всякий раз, когда в наши ряды арфистов влезает мелкота со скрипочками пикколо, вы не находите?

– Вот ведь загадка, Уилл: мы, служители Церкви, призваны быть примером того, как ладить друг с другом.

– Кто-нибудь удосужился поведать об этом отцу Витторини? Давайте начистоту: итальянцы – это «Ротари», клуб внутри Церкви. Разве они остались бы трезвыми во время Тайной вечери?

– А ирландцы? – пробормотал отец Келли.

– Мы бы, по крайней мере, дождались ее окончания!

– Ладно, в конце-то концов, церковники мы или цирюльники? Так и будем придирааться к пустякам или обреем Витторини его же бритвой? Уильям, неужели у тебя нет плана действий?

– Может, пригласим баптиста в посредники?

– Катись ты со своим баптистом! Ты изучил энциклику?

– Энциклику?

– Ты так и сидел сложа руки после завтрака? Видимо, да! Давай прочитаем этот эдикт про космические путешествия! Запомним, выучим назубок и контратакуем ракетного человека на его же территории! Вперед, в библиотеку! Что выкрикивают юнцы в наши дни? Пять, четыре, три, два, один – пуск?

– Или более грубый вариант.

– Значит, выкрикивай грубый! И следуй за мной!

Заходя в библиотеку, они встретили выходящего из нее пастора Шелдона.

– Бесполезно, – улыбнулся пастор, глядя на их разгоряченные лица. – Вы ее здесь не найдете.

– Чего мы здесь не найдем? – Отец Брайан перехватил взгляд пастора, упавший на все еще прилипшее к пальцам письмо, и быстро припрятал его. – Чего мы не найдем, сэр?

– Космический корабль малость великоват для нашего скромного жилища, – ответил пастор, тщетно пытаясь навести завесу таинственности.

– Значит, итальянец и вам все уши прожужжал? – вознегодовал отец Келли.

– Нет, но раскаты гремят по всему дому. Вот я и пришел, чтобы удостовериться лично.

– Так вы на *нашей* стороне? – с облегчением вздохнул Брайан.

Глаза пастора Шелдона погрузнели.

– Разве здесь есть своя или чужая сторона, святые отцы?

Они вошли в маленькую читальню, где отец Брайан и отец Келли, испытывая неловкость, уселись на краешки стульев. Пастор Шелдон стоя наблюдал за их дискомфортом.

– Итак, почему вы боитесь отца Витторини?

– Боимся? – отец Брайан, казалось, вздрогнул от этого слова и тихо воскликнул: – Скорее злимся.

– Одно вытекает из другого, – признал Келли, продолжая. – Видите ли, пастор, некий городок в Тоскане двигает камни в Мейнуте, что неподалеку от Дублина, как вам известно.

– Я ирландец, – терпеливо сказал пастор.

– Вот именно, пастор, и нам непонятно превеликое спокойствие, с коим вы взираете на эту катастрофу, – сказал отец Брайан.

– Я калифорнийский ирландец, – ответил пастор.

И выждал, пока сказанное будет усвоено. Когда смысл слов дошел до них, отец Брайан жалобно простонал:

– А! Мы *запамятовали*!

И взглянул на пастора, и узрел недавний загар и смуглую кожу того, кто разгуливал, обратив свой лик к солнцу, словно подсолнух, даже здесь, в Чикаго, впитывая местный скудный свет и тепло для поддержания своего бытия и цвета лица. Перед ним стоял человек в рясе, под которой по-прежнему угадывалось телосложение теннисиста и бадминтониста с крепкими жилистыми руками гандболиста. На кафедре одного взгляда на его парящие в воздухе руки было достаточно, чтобы представить, как он плавает под теплыми калифорнийскими небесами.

Отец Келли усмехнулся.

– О, вот она, ирония незадачливой судьбы. Отец Брайан, а вот и наш искомый баптист.

– Баптист? – спросил пастор Шелдон.

– Без обид, пастор, просто мы собирались найти посредника, и вот нашли вас, ирландца из Калифорнии, познавшего студены метели Иллинойса, отутюженные катком газоны и январский загар. Мы же рождены и возвращены на буграх Корка и Килкока, пастор. Мы не оттаем даже за двадцать лет в Голливуде. А теперь говорят же, что Калифорния очень похожа, – здесь он выдержал паузу, – на Италию, не так ли?

– Вижу, куда вы клоните, – пробурчал отец Брайан.

Пастор Шелдон закивал, его лицо и потеплело, и погрустнело.

– Моя кровь подобна вашей. Но климат, в котором я формировался, похож на римский. Так что видите, отец Брайан, когда я спросил, есть ли тут стороны, я говорил от чистого сердца.

– Ирландец и вместе с тем не ирландец, – скорбел отец Брайан. – Почти, но не совсем итальянец. О, какую шутку сыграл мир с нашей плотью.

– Только если мы это допустим, Уильям, Патрик.

Они оба немного опешили, услышав свои имена.

– Вы так и не ответили: чего вы боитесь?

Пальцы отца Брайана переминались, словно пара неуклюжих борцов.

– Ну вот только мы уладили все дела на Земле, только забрезжила победа, Церковь укрепила позиции, как тут возникает отец Витторини...

– Извините, святой отец, – перебил его пастор. – Возникает реальность. Возникает космос, время, энтропия, прогресс, всегда возникает миллион всяких явлений. Космические путешествия придумал не отец Витторини.

– Нет, но он провозглашает их благом. У него «все начинается в мистике и заканчивается в политике»¹. Ладно, как бы там ни было. Я спрячу свою ирландскую дубинку-шилейлу, если он уберет свои ракеты.

– Нет, пускай остаются на виду, – ответил пастор. – Лучше не прятать орудия насилия или особые способы передвижения. Лучше с ними работать. Почему бы нам не забраться в эту ракету, святой отец, и не поучиться у нее?

– Чему поучиться? Тому, что большая часть того, чему мы учили на Земле, не годится на Марсе или Венере, или куда там еще Витторини нас отправит? Изгоним Адама и Еву из нового райского сада на Юпитере огнем наших же ракет? Или, еще хуже, обнаружим, что нет никакого Эдема, Адама, Евы, чертова яблока, змея-искусителя, грехопадения, первородного

¹ Шарль Пегі (Charles Péguy), 1873–1914, французский поэт, драматург, публицист, эссеист и редактор.

греха, Благовещения, Рождества, Сына, и далее по списку. Ничегошеньки нет! Ни в одной вселенной, ни в другой? Этому мы должны *научиться*, пастор?

– Если понадобится, то да, – сказал пастор Шелдон. – Это космос Бога, и Божьи миры в космосе, святой отец. Мы не должны пытаться забирать с собой наши кафедральные соборы, когда все, что нам нужно, – дорожная сумка. Церковь уместится в ящик из-под церковной утвари для богослужения, который можно нести в руках. Доверьте сие отцу Витторини: обитатели южных краев давно научились строить из воска, который, растаяв, принимает формы и очертания, нужные человеку. Уильям, Уильям, если вы настаиваете на созидании из твердого льда, то он расколется при переходе звукового барьера или расплавится, оставив вас ни с чем в огне ракетного старта.

– Пастор, этому трудно научиться, – сказал отец Брайан, – в пятьдесят лет.

– Но я знаю, вы этому научитесь, – ответил пастор, касаясь его плеча. – Ставлю вам задачу: примириться с итальянским священником. Найдите сегодня вечером способ сблизить свои убеждения. Приложите все усилия, святой отец. И прежде всего, поскольку наша библиотека скудна, объявите в розыск и найдите космическую энциклику, чтобы мы знали, о чем шумим.

Спустя мгновение пастор удалился.

Отец Брайан прислушивался к стремительно удаляющимся шагам – словно в голубое небо взмыл белый мяч, и пастор спешил на перехват.

– Ирландец, но не ирландец, – промолвил он. – Почти, но не совсем итальянец. А мы теперь кто, Патрик?

– Я уже начинаю сомневаться, – прозвучало в ответ.

И они удалились в библиотеку побольше, под сводами которой, возможно, скрывалось величие мыслей Папы о большом космосе.

Спустя много времени после ужина, а вообще-то почти в час отхода ко сну, отправленный на задание отец Келли ходил по церковному дому, стучал в двери и что-то шептал.

В одиннадцатом часу отец Витторини спустился по лестнице и аж разинул рот от изумления.

Отец Брайан, гревшийся у газовой горелки, установленной в камине, которым не пользовались, обернулся не сразу.

Было расчищено место: безбожный телевизор сдвинули в середину и окружили четырьмя стульями и двумя табуретами, водрузив на них две бутылки и четыре стакана. Все это организовал отец Брайан, позволив отцу Келли ничего не предпринимать. Теперь он обернулся, ибо приближались Келли и пастор Шелдон.

Пастор стоял в дверном проеме, изучая комнату.

– Превосходно. – Он выдержал паузу и добавил: – Я думаю. Так, посмотрим... – Он прочитал этикетку на бутылке. – Отец Витторини садится здесь.

– Там, где «Ирландский мох»? – полюбопытствовал отец Витторини.

– Именно, – подтвердил отец Брайан.

Витторини с удовольствием занял свое место.

– Полагаю, остальные сядут рядом со «Слезой Христовой»? – спросил пастор.

– *Итальянский* напиток, пастор.

– Кажется, я об этом слышал, – сказал пастор и сел.

– Вот. – Не глядя на Витторини, отец Брайан поспешно до краев налил «Ирландского мха» в его стакан. – Ирландское переливание.

– Позвольте. – Витторини кивнул в знак благодарности и встал, чтобы наполнить стаканы остальных собравшихся. – Слезы Христовы и солнце Италии, – сказал он. – А теперь, перед тем как выпить, я должен вам что-то сказать.

Все замерли, глядя на него.

– Папской энциклики о космических путешествиях, – произнес он наконец, – не существует.

– Мы обнаружили это, – сказал Келли, – несколько часов назад.

– Простите меня, святые отцы, – сказал Витторини. – Я уподобился рыбаку на берегу, который, заметив рыбу, подбрасывает новую приманку. Все это время я подозревал, что такой энциклики нет. Но всякий раз, когда о ней заходила речь в городе, я слышал, как многие священники из Дублина отрицают ее существование, и я думал: ага, значит, она существует! Они не стали бы искать ее из опасения, что она существует. Я бы не стал из гордыни ее разыскивать, опасаясь, что ее не существует. Что римская гордыня, что коркская – все одно и то же. Пастор, скоро я удалюсь и буду хранить обет молчания целую неделю и каяться в грехах.

– Похвально, святой отец, похвально. – Пастор Шелдон встал. – Теперь я сделаю небольшое объяснение. Через месяц прибывает новый священник. Я долго это обдумывал. Он итальянец, родился и вырос в Монреале.

Витторини прикрыл один глаз, пытаясь представить себе этого человека.

– Если Церковь должна быть всем для всех людей, – сказал пастор, – то меня интригует мысль о горячей крови, возвращенной в холодном климате, как наш новый итальянец, хотя мне небезынтересно считать себя холодной кровью, возвращенной в Калифорнии. Нам нужен здесь еще один итальянец для встряски, и этот латинянин, похоже, способен растряссти даже отца Витторини. Теперь кто-нибудь скажет тост?

– Можно я, пастор? – с горящими темными глазами, мягко улыбаясь, отец Витторини снова встал, оглядев всех троих, он поднял стакан. – Разве не писал где-то Блейк про Механизмы Радости? Ведь сотворил же Господь землю и заставил ее разродиться плотью – потешными мужами и женами, наподобие нас с вами? И разве мы – цветущие, сообразительные и добродетельные, однажды в безмятежный полдень радостно отправленные в свет, в благодатные края – не суть Механизмы Радости Господа Бога?

– Если Блейк такое говорил, – ответил отец Брайан, – беру свои слова обратно. Он никогда не жил в Дублине!

Все хором засмеялись.

Витторини осушил свой «Ирландский мох» и, как и должно, лишился дара речи.

Остальные отведали итальянского вина и разомлели, и, разомлев, отец Брайан тихо простонал:

– Витторини, а теперь вы бы не включили призрака, при всей его богопротивности?

– Девятый канал?

– Именно, девятый!

И пока Витторини нажимал на кнопки, отец Брайан задумчиво бормотал над стаканом:

– А что, Блейк и *вправду* такое написал?

– Дело в том, святой отец, – ответил Витторини, склонившись к фантомам, возникающим и исчезающим на экране, – что он мог бы такое написать, живи он в наше время. Я это написал сегодня вечером.

Все посмотрели на итальянца с некоторым благоговейным ужасом. Затем телевизор загудел, изображение прояснилось, возникла ракета, готовая стартовать где-то далеко.

– Механизмы радости, – сказал отец Брайан. – Вы настраиваетесь на один из них? А другой стоит на стартовой площадке?

– Возможно, сегодня вечером, – пробормотал Витторини. – Если она полетит с человеком на борту вокруг Земли и человек выживет – и мы с ним заодно, хотя мы всего лишь сидим здесь. Это будет действительно радостно.

Ракета готовилась к старту, отец Брайан зажмурился на мгновение. «Иисус, – подумал он, – прости старому человеку его гордыню, и прости Витторини его выходки, и помоги мне понять то, что я вижу здесь сегодня вечером. И пусть я буду бодрствовать, если понадобится, в

хорошем настроении до рассвета, и пусть все пройдет благополучно, взлет и посадка, и думай о человеке внутри этого драндулета, Иисус, *думай* о нем и пребудь с ним. И помоги мне, Боже, в начале лета, ибо неотразимо, как судьбина, Витторини с детьми со всего квартала нагрянет на лужайку перед церковным домом Четвертого июля и будет запускать фейерверки. Все будут глазеть в небо, как утром в день Искупления. И помоги мне, Господь, быть как те ребяташки перед великой ночью времени и пустоты, где Ты обитаешь. И помоги мне, Господи, идти вперед, чтобы возжечь следующую ракетную Ночь Независимости и встать рядом с отцом-латинянином с лицом, озаренным тем же детским восторгом перед огненной славой, которую ты вложил нам в руки и повелел наслаждаться ею».

Он открыл глаза.

Ветер времени доносил возгласы из далекого Канаверала. На экране маячили диковинные фантомные силы. Он допивал вино, когда кто-то слегка тронул его за локоть.

– Отец Брайан, – сказал рядом с ним Витторини. – Пристегните ремни.

– Будет исполнено, – сказал отец Брайан, – будет исполнено. Премного вам благодарен.

Он откинулся на спинку стула. Смежил веки, дожидаясь грома, дожидаясь огня, дожидаясь содрогания и голоса, который научит его этой глупой, странной, дикой и чудодейственной считалочке – обратному отсчету... до самого нуля.

Тот, кто ждет

Я живу в колодеце. Живу словно дым, словно пар в каменной глотке. Я не двигаюсь. Ничего не делаю – просто жду. Вижу над собой холодные ночные звезды и звезды утренние, вижу солнце. Иногда пою древние песни этого мира – песни тех дней, когда он еще был молодым. Как я могу сказать, что я такое, если и сам не знаю? Не могу. Я просто жду. Я туман, лунный свет и память. Я стар, и мне грустно. Иногда я каплями дождя падаю в колодец. Тревожу паутину, что плетут пауки, когда мои капли касаются воды. Я жду в прохладной тишине, и настанет день, когда мое ожидание закончится. Сейчас утро. Я слышу раскаты грома. Я чувствую, как где-то вдали что-то горит. Слышу скрежет металла. Я жду, прислушиваясь.

Голоса. Далеко.

– Все в порядке!

Голос. Незнакомый. Чужой язык, которого не знаю. Не могу понять ни слова. Я слушаю.

– Выслать людей на разведку!

Шаги на хрустальном песке.

– Марс! Так вот какой он!

– Где флаг?

– Вот он, сэр.

– Хорошо, отлично.

Высоко в синем небе светит солнце, и теплые золотые лучи заполняют колодец, где я покоюсь туманной, невидимой пылью.

Голоса.

– Именем правительства Земли, объявляю эту землю Территорией Марса, и да будет она разделена поровну между нашими нациями.

О чем они говорят? Я кручусь на солнце, как колесо: невидимый, ленивый, золотой, не зная усталости.

– Что это там?

– Колодец!

– Нет!

– Идем. Точно!

Приближается что-то теплое. Три объекта склоняются над колодцем и чувствуют мою прохладу.

– Здорово!

– Думаешь, эту воду можно пить?

– Посмотрим.

– Принесите литье и пробирку.

– Я схожу.

Кто-то убегает. Бежит обратно.

– Вот.

Я жду.

– Опускай. Аккуратнее.

Блеск стекла на медленно спускающейся веревке.

Рябь на воде: сосуд коснулся ее поверхности и заполняется. Теплый воздух несет меня наверх, к краю колодца.

– Вот так. Хочешь попробовать, Риджент?

– Давай.

– Какой красивый колодец! Смотрите, какая кладка. Как думаете, сколько ему лет?

– Бог его знает. Вчера, когда мы приземлялись в том городе, Смит говорил, что на Марсе уже десять тысяч лет никто не живет.

– Невероятно.

– Как вода, Риджент?

– Чистая, как серебро. Вот, выпей.

Вода струится в жарких лучах солнца. Я парю, и мягкий ветерок качает меня словно пыль, словно нотки корицы.

– Что с тобой, Джонс?

– Не знаю. Голова вдруг ни с того ни с сего разболелась.

– Ты пил воду?

– Нет еще. Не в ней дело. Я просто наклонился над водой, и вдруг голова словно пополам раскололась. Мне уже лучше.

Теперь я знаю, кто я.

Мое имя Стивен Леонард Джонс, мне двадцать пять лет, и я только что прилетел в ракете с планеты, называемой Земля, со мной мои добрые друзья Риджент и Шоу, и мы стоим у старого колодца на планете Марс.

Я смотрю на свои золотые пальцы, загорелые, сильные. На свои длинные ноги, серебристую униформу, своих друзей.

– Что такое, Джонс? – спрашивают они.

– Ничего, – отвечаю я и смотрю на них. – Все в порядке.

Еда вкусная. В последний раз я ел десять тысяч лет назад. Она приятно касается языка, а от вина становится теплей. Я слышу, как звучат их голоса. Произношу слова, смысл которых мне неясен, но каким-то образом я все равно понимаю их. Я пробую воздух на вкус.

– В чем дело, Джонс?

Я склоняю свою голову набок, откладываю в сторону серебряные столовые приборы для еды. Я все чувствую.

– В смысле? – говорит мой новый голос.

– Дышишь как-то странно. Кашляешь, – отвечает сосед.

– Может, простыл, – четко выговариваю я.

– Потом загляни к доку.

Я киваю в ответ. Кивать головой приятно. Хорошо что-то делать после того, как прошло десять тысяч лет. Приятно дышать воздухом, чувствуя жар солнца, что проникает все глубже и глубже, и ощущать изящество костей, скелета, что скрыт под согретой плотью; приятно слышать звуки – такие звонкие, ясные, совсем не как в глубоком каменном колодце. Я очарован.

– Давай-ка, Джонс, закругляйся. Нам пора выдвигаться!

– Да, – отвечаю я, замороженный тем, как слова чудесной водой рождаются на языке, неспешно касаясь воздуха.

Я иду. Приятно просто идти. Я высок, и когда мои глаза в моей голове смотрят вниз, до земли так далеко. Какое счастье жить на этой изящной скале!

Риджент стоит у колодца, смотрит вниз. Остальные, переговариваясь, ушли к серебряному кораблю, что принес их сюда.

Я чувствую пальцы своих рук и то, как улыбаюсь.

– Глубокий, – говорю я.

– Да.

– Его называют Колодцем Душ.

Риджент уставился на меня, вскинув голову.

– Откуда ты знаешь?

– А что, разве не похож?

– Никогда не слышал о Колодце Душ.

– Место, где те, что некогда обладали плотью, ждут своего часа, – говорю я, касаясь его руки.

Пламенеют пески, и ракета – серебристый язык огня среди дневного зноя, и зной приятен. Мои ступни на жестком песке. Я слушаю. Звук ветра, солнце сжигает долины. Я чувствую, как пахнет ракета в кипении полудня. Встаю у посадочной площадки.

– Где Риджент? – спрашивает кто-то.

– Я видел его у колодца, – отвечаю я.

Один из них бросается к колодцу. Меня охватывает дрожь. Дрожь эта исходит из самой глубины, и сперва она приятна, но затем становится все сильнее. Испуганный, еле слышный голос раздается где-то внутри. Он кричит: «Отпусти меня, отпусти!», и я чувствую, как что-то пытается вырваться наружу и мечется в бесконечном лабиринте коридоров, где эхом звучит его крик.

– Риджент в колодце!

Пятеро мужчин бегут туда. Я бегу вслед за ними, но дрожь усиливается, и мне нехорошо.

– Должно быть, он упал туда. Джонс, ты был рядом. Что ты видел? Джонс? Не молчи!

– Что случилось, Джонс?

Я падаю на колени, дрожа всем телом.

– Ему плохо. Помогите мне.

– Перегрелся на солнце.

– Нет, это не солнце, – бормочу я.

Меня укладывают на землю, и дрожь переходит в припадок, подобный землетрясению. Голос внутри заходится криком: «Джонс – это я, это не он, не он, не верьте ему, выпустите меня, выпустите!» Я смотрю на тех, кто склонился надо мной, и мои веки трепещут. Они касаются моих запястий.

– У него что-то с сердцем.

Я закрываю глаза. Крик обрывается. Я больше не дрожу.

Я парю, как в прохладном колодце, и я свободен.

– Он мертв, – слышится чей-то голос.

– Джонс умер.

– Как?

– Похоже на шок.

– Но чем он был вызван? – спрашиваю я, чье имя Сешнс, и я говорю твердо, и я их капитан. Я стою среди них и смотрю на тело, остывающее на песке. Я прижимаю ладони к вискам.

– Капитан?!

– Ерунда, – кричу я. – Просто голова разболелась. Все нормально. Я в порядке, – шепчу я, – в порядке.

– Сэр, надо уйти с солнцепека.

– Да, – соглашаюсь я, глядя на Джонса. – Не стоило сюда прилетать. Марсу мы не нужны.

Мы несем тело назад к ракете, и во мне пробуждается другой голос, и просит выпустить его. Зовет на помощь. Далеко-далеко, в потаенных кавернах тела. Там, внутри, в красных глубинах, слышится эхо мольбы.

На этот раз припадок настает раньше, и он куда сильнее. Я плохо контролирую себя.

– Капитан, уходите с солнца, вы плохо выглядите.

– Хорошо, – отвечаю я. – Помогите!

– Что вы сказали, сэр?

– Я ничего не говорил.

– Вы только что звали на помощь.

– Разве я звал на помощь, Мэттьюз?

Тело лежит в тени ракеты, а внутри, в катакомбах, среди костей и красных волн, кричит голос. Мои руки дергаются. Мой пересохший рот разинут. Мои ноздри раздулись. Помогите, помогите, на помощь, не надо, не надо, выпустите меня, не надо, не надо.

– Не надо, – говорю я.

– Что, сэр?

– Неважно, – отвечаю я. – Мне нужно освободиться. – Я зажимаю рукой рот.

– Что это значит, сэр? – кричит Мэттьюз.

– Все на борт, возвращайтесь на Землю! – раздается мой вопль.

В моей руке пистолет. Я поднимаю его.

– Сэр, не надо!

Взрыв. Бегут тени. Крик оборвался. Я слышу, как что-то со свистом рассекает воздух.

Как хорошо вновь познать смерть через десять тысяч лет. Как приятно внезапно ощутить свежесть и отдохнуть. Как приятно чувствовать себя рукой в растянутой перчатке, чудесной прохладой обволакивающей тебя среди жарких песков. Как прекрасен тихий, неотвратимый смертный мрак. Но медлить нельзя.

Щелкает спусковой крючок. Слышится выстрел.

– Боже милосердный, он застрелился! – Я слышу свой собственный крик, открываю глаза и вижу капитана, лежащего у ракеты: череп расколот пулей, глаза навывкате, меж белыми ровными зубами – вывалившийся наружу язык.

Из его головы струится кровь. Склоняясь над ним, я касаюсь его рукой.

– Безумец, – говорю я, – зачем он это сделал?

Мужчины объаты ужасом. Они стоят над двумя трупами и смотрят на пески Марса и колодец в отдалении, где в глубокой воде качается тело Риджента. Хриплые стоны и вскрипы срываются с их пересохших губ: они как дети, что ищут выход из кошмарного сна.

Теперь они повернулись ко мне.

Один из них первым нарушает долгое молчание:

– Значит, Мэттьюз, ты теперь командуешь.

– Знаю, – медленно отвечаю я.

– Теперь нас всего шестеро.

– Боже, как внезапно все случилось!

– Я не хочу здесь оставаться, надо улетать!

Я слышу их громкие крики. Я направляюсь к ним и касаюсь каждого с такой уверенностью – словно песнь, она готова вырваться наружу.

– Послушайте, – говорю я им, касаясь их плеч, локтей, ладоней.

Все мы умолкаем.

Все мы – одно целое.

«Нет, нет, нет, нет, нет, нет!» – так кричат голоса внутри, глубоко-глубоко в темнице нашей плоти.

Мы смотрим друг на друга. Мы – Сэмюэль Мэттьюз, Рэймонд Мозес, Уильям Сполдинг, Чарльз Эванс, Форрест Коул и Джон Саммерс – просто молчим, и наши взгляды прикованы к нашим побелевшим лицам и дрожащим рукам.

Мы оборачиваемся вместе, все, как один – туда, где стоит колодец.

– Идемте, – говорим мы.

«Нет, нет!» – кричат шесть голосов, сокрытых в глубинах, где останутся навсегда.

Наши ноги ступают по песку, и со стороны кажется, что гигантская рука двенадцатью пальцами шарит по жаркому морскому дну.

Склонившись над краем колодца, мы смотрим вниз. Шесть лиц смотрят на нас, отражаясь в холодных глубинах.

Один за другим мы тянемся вниз, теряя равновесие, падаем в разверстый колодезный зев, где ждет свежесть, и сумрак, и холод вод.

Солнце садится за горизонт. Звезды кружат по ночному небу. Там, вдалеке, что-то сверкает. Другая ракета оставляет в космосе красный след.

Я живу в колодце. Живу словно дым, словно пар в каменной глотке. Вижу над собой холодные ночные звезды и звезды утренние, вижу солнце. Иногда пою древние песни этого мира – песни тех дней, когда он еще был молодым. Как я могу сказать, что я такое, если и сам не знаю? Не могу.

Я просто жду.

Tyrannosaurus Rex

Он открыл дверь в темноту просмотрового зальчика.

Раздалось резкое, как оплеуха: «Закройте дверь!» Он скользнул внутрь и выполнил приказ. Оказавшись в непроглядной тьме, тихонько выругался. Тот же тонкий голос с сарказмом произнес:

– Боже! Вы Тервиллиджер?

– Да, – отозвался Тервиллиджер.

В более светлом пятне справа угадывался экран. Слева неистово прыгал огонек сигареты в невидимых губах.

– Вы опоздали на пять минут!

«Велика беда, – подумал Тервиллиджер, – не на пять же лет!»

– Отнесите пленку в проекционную. И пошевеливайтесь!

Тервиллиджер прищурился, привыкая к густому сумраку зала.

В темноте он различил в креслах пять шумно дышащих и беспокойно ерзающих фигур, исполненных чиновничьего ража. В центре зала с каменной неподвижностью сидел особняком и покуривал подросток.

«Нет, – сообразил Тервиллиджер, – это не подросток. Это Джо Клеренс. Тот самый. Клеренс Великий».

Теперь маленький, как у куклы, ротик выдохнул облачко дыма.

– Ну?

Тервиллиджер суетливо кинулся в сторону проекционной, сунул ролик в руки механику; тот скорчил рожу в сторону боссов, подмигнул Тервиллиджеру и скрылся в своей будке.

Вскоре раздался зуммер.

– Боже! – вспылil гнусавый голосок. – Да запускайте же!

Тервиллиджер пошарил рукой в поисках кресла, обо что-то ударился, шагнул назад и остался стоять.

С экрана полилась музыка. Под звуки барабанного боя пошли титры его демонстрационного фильма:

TYRANNOSAURUS REX: ГРОЗА ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН

Снято автоматической камерой для замедленной съемки. Куклы и анимация Джона Тервиллиджера. Исследование жизни на Земле за миллиард лет до нашей эры.

Коротышка в центре зала с иронией тихонько похлопал детскими ручками.

Тервиллиджер закрыл глаза. Смена музыкальной темы заставила его посмотреть на экран. Титры заканчивались на фоне ядовитого ливня в доисторических джунглях, полускрытых за пеленой дождя. Камера наплывом пошла сквозь тропический лес к подернутому утренним туманом морскому берегу, по пути встречая на земле и в воздухе бегущих и летящих чудовищ. Покрытые массивными треугольными костными шипами, что были разбросаны по коже цвета зеленой плесени, рассекали ветер птеродактили, сверкая алмазами глаз и показывая частокол огромных зубов. Эти смертоносные летучие змеи пикировали на свои не менее страшного вида жертвы, а затем стремительно взмывали ввысь с добычей, которая визжала и извивалась в их пасти.

Тервиллиджер зачарованно следил за происходящим на экране.

У самой земли пышная растительность кишела рептилиями. Ящеры самых разных размеров, закованные в панцирь, месили лапами жирную грязь. Воссозданные воображением Тервиллиджера, они олицетворяли для него злодейство во плоти, от которого бросается враспыленную все живое.

Бронтозавры, стегозавры, трицератопсы... Легко сказать, но трудно представить себе эти многотонные махины.

Исполинские динозавры передвигались как гигантские уродливые танки, сеющие ужас и гибель. Мшистая почва ущелий сотрясалась под ними. Тысячи цветов гибли под очередным шагом чугунной лапы. Ноздри уродливых рыл вбирали туман, и джунгли оглашал рык такой силы, что небо раскалывалось пополам.

«Мои красавчики, – думал Тервиллиджер, – мои лапочки! Крошки ненаглядные!»

Сколько трудов они ему стоили – создания из разных видов резины, с крохотными подвижными стальными суставами. Придуманные в бессонные ночи, воплощенные сперва в глине, а затем сформованные из пенорезины или из губчатой резины, они двигались только благодаря его рукам. И большинство было не крупнее кулака. Остальные – не больше той головы, в которой они зародились.

– Господи! – восхищенно ахнул кто-то в темноте.

А ведь когда-то это было снято кадр за кадром, и он, Тервиллиджер, создавал стремительное движение своих фантастических образов из неподвижных картинок. Самую малость изменив позы и положение зверушек, он делал снимок. Потом опять продвигал их на волосок – и фотографировал. Этот кропотливый труд продолжался часы, дни, месяцы. И вот теперь восемьсот футов отснятого материала – а именно таков был скромный результат – будут просмотрены за считанные минуты.

«Смотри-ка, они живут, они двигаются», – радовался Тервиллиджер. Он никак не мог привыкнуть, что на экране его создания совсем как живые!

Кусочки пористой резины и латекса, глина, стальные детальки, стеклянные глаза, каменные клыки – и все это вдруг превращается в хищное зверье, терроризирующее континенты, царящее в джунглях задолго до появления человека, миллиард лет назад! Эти чудища дышат. Эти чудища сотрясают воздух своими громовыми голосами. Какое сверхъестественное преобразование!

«Пусть это и нескромно, – думал Тервиллиджер, – но вот он – мой райский сад, и вот они – мои гады земные, о коих могу сказать в конце Шестого дня, что они хороши, и завтра, в день Седьмой, почтить от дел своих».

– Господи! – повторил в темноте тот же восхищенный голос.

Тервиллиджер, войдя в роль Творца, чуть было не отозвался: «Да, я слушаю».

– Замечательный материал, мистер Клеренс, – продолжил дружественный голос.

– Возможно-возможно, – отозвался гнусавый мальчишечий голосок.

– Мультипликация высшего класса.

– Видал я и получше, – сказал Клеренс Великий.

Тервиллиджер так и обмер. Кровавая бойня в джунглях из папье-маше продолжалась, но он теперь отвернулся от экрана, чтобы посмотреть на зрителей. Впервые он мог толком разглядеть своих предполагаемых работодателей.

– Восхитительный материал!

Похвала исходила от пожилого человека, сидевшего в дальнем конце небольшого зала. Его голова была запрокинута, и он наблюдал за доисторической драмой с несомненным увлечением.

– Фигуры двигаются толчками. Посмотрите вон на того! – Странный мужчина с фигурой мальчика даже привстал, показывая что-то кончиком сигареты, торчащей изо рта. – А вот еще ничемный кадр. Вы обратили внимание?

– Да, – как-то сразу сник пожилой союзник Тервиллиджера. И даже съехал пониже в своем кресле. – Я заметил.

У Тервиллиджера кровь застучала в висках.

– Толчками двигаются, – повторил Джо Клеренс.

Белый экран, мелькнули цифры – и все. Музыка закончилась, монстры пропали.

– Уф, слава богу, – раздался в темноте голосок Джо Клеренса. – А то время ланча уже на носу. Уолтер, давай следующий ролик! Спасибо, Тервиллиджер, вы свободны. – Молчание. – Тервиллиджер! – Опять молчание. – Кто-нибудь скажет, этот оболтус еще в зале?

– Я здесь, – отозвался Тервиллиджер. Его руки, висящие у бедер, сжались в кулаки.

– Ага, – протянул Джо Клеренс. – Знаете, неплохая работа. Однако на большие деньги не рассчитывайте. Вчера здесь перебивала дюжина ребят, и они показывали материалы не хуже вашего, а то и получше. У нас конкурс для нового фильма под названием «Доисторический монстр». Оставьте моей секретарше конверт с вашими условиями. Выход через ту же дверь, через которую вы вошли. Уолтер, что ты там копаешься? Давай следующий ролик!

Тервиллиджер двинулся к выходу, то и дело натываясь в темноте на стулья. Нащупав ручку двери, он вцепился в нее мертвой хваткой.

А за его спиной экран взорвался: землетрясение рушило здания, сыпало на головы жителей горные валуны, обрушивало и уносило мосты. Среди этого грохота ему вспомнился диалог недельной давности:

– Мы заплатим вам тысячу долларов, Тервиллиджер.

– Да вы что! Одно оборудование обойдется мне в эту сумму!

– Послушайте, мы даем вам шанс войти в кинобизнес. Или вы соглашаетесь, или увя и ах.

На экране рушились здания, а в нем самом – надежды. Он уже понял, что согласится. И возненавидит себя за это согласие.

Лишь когда на экране все дорушилось и отгрохотало, в Тервиллиджере отбурлила ярость и решение стало окончательным. Он толкнул от себя многотонную дверь и вышел в слепящий солнечный свет.

...Насадим на гибкие сочленения шеи череп, натянем на него матерчатую морду, приладим на шарнирчиках нижнюю челюсть, замаскируем швы, и наш красавец готов. *Tyrannosaurus Rex*. Царь тираннозавров. Тиран доисторических джунглей.

Руки Творца, омытые светом «юпитера», нежно опустили монстра в миниатюрные джунгли, занимающие половину небольшой студии.

Сзади кто-то грубым толчком распахнул дверь.

В студию влетел крохотный Джо Клеренс – один хуже ватаги бойскаутов. Быстрым и цепким взглядом он обошел все помещение, и его лицо перекошилось.

– Черт побери! У вас еще ничего толком не готово? Мои денежки за аренду утекают зря!

– Если я закончу раньше срока, – сухо возразил Тервиллиджер, – вы мне лишних денег не заплатите. А дело пострадает.

Джо Клеренс мелкими шажками бегал от одного конца макета к другому.

– Ладно, не спешите, но поторапливайтесь. И сделайте этих ящеров действительно ужасными!

Тервиллиджер стоял на коленях у края джунглей из папье-маше, поэтому его глаза были на одном уровне с глазами босса.

– Сколько футов крови и ужаса вы желаете? – спросил он Клеренса.

Тот хищно хохотнул:

– О-о, по две тысячи футов каждого!.. А это у нас кто?

Он шустро схватил самого крупного и самого страшного динозавра и поднес его поближе к своим глазам.

– Поосторожнее!

– Что вы так паникуете? – огрызнулся Клеренс, ворочая хрупкую игрушку в своих неловких и равнодушных ручонках. – Мой динозавр – что хочу, то и делаю. В контракте огово...

– В контракте черным по белому сказано, что вы имеете право использовать моих ящеров для рекламных роликов до завершения съемок, а затем куклы остаются в моей полной собственности.

– Размечтались! – Размахивая динозавром, Клеренс фыркнул и сказал: – Не знаю, какой дурак вписал в контракт такой пункт. Когда мы подписывали его четыре дня назад...

– А мне кажется, что не четыре дня назад, а четыре года. – Тервиллиджер потер воспаленные глаза. – Я две ночи провел без сна, заканчивая этого зверюгу, чтобы мы могли приступить к съемке.

Клеренс прервал его нетерпеливым жестом:

– К чертям собачьим контракт. Плевал я на юридические штучки. Эта зверюга моя. Вы с вашим агентом доведете меня до инфаркта. То вам нужен больший гонорар, то лучшее финансирование, то более дорогое оборудование...

– Камера, что вы мне дали, – суший антиквариат.

– Не говорите мне, если она сломается. У вас есть руки, чтобы починить. Когда на фильм тратится мало денег, люди лучше работают: они начинают шевелить мозгами, а не уповать на технику. Что же касается этого страшилища, – Клеренс опять тряхнул динозавром в своей руке, – то это мое детище. И зря это не прописано в чертовом контракте.

– Простите, я никому не отдаю созданные мной вещи. – Тервиллиджер прямодушно стоял на своем. – Слишком много времени и души я в них вкладываю.

– Хорошо-хорошо. Мы накинём вам пятьдесят долларов, плюс забирайте после съемок эту камеру с причиндалами. Но зверюга останется мне. Ведь с этой аппаратурой вы можете открыть собственную студию и конкурировать со мной – утереть мне нос, используя мою же технику! – Клеренс хихикнул.

– Если ваша техника до той поры не развалится, – пробормотал Тервиллиджер.

– И вот еще что. – Поставив ящера на пол, Клеренс обжег его кругом, приглядываясь с разных сторон. – Мне не нравится его характер.

– Вам не нравится что? – Тервиллиджер с трудом сохранил вежливый тон.

– Вялая морда. Нужно добавить больше огня в глаза, больше... Ну, чтоб сразу было видно, что это крутой парень, что ему пальца в пасть не клади... И добавьте ему понта.

– Чего-чего?

– Ну, типа: «Кто тут на меня? Пасть порву!» Глаза покрупнее. Ноздри с выгибцем. Зубы с искрой. Язык лопатой. Да что мне вам объяснять, вы же мастер. Зверюга не моя, а ваша – вам и карты в руки.

– Моя, – с готовностью согласился Тервиллиджер, поднимаясь с пола.

Теперь на уровне глаз Джо Клеренса оказалась металлическая пряжка его ремня. Несколько секунд продюсер, словно загипнотизированный, таращился на блестящую железку.

– Черт бы побрал этих чертовых юристов, – наконец бормотнул он и засеменил к двери, бросив через плечо: – Трудитесь!

Дверь за ним захлопнулась, и в ту же секунду о нее шмякнулся тираннозавр.

Рука, запустившая любимым детищем в дверь, бессильно упала. Плечи Тервиллиджера поникли. Он добрал до двери, подобрал куклу и прошел к рабочему столу. Там он отвернул тираннозавру голову, стащил с черепа матерчатую маску и поставил череп на полку. Потом размял кусок глины и принялся лепить новый вариант морды.

– Побольше крутизны, – яростно бормотал Тервиллиджер, – побольше понта...

Неделей позже состоялся первый просмотр материала с участием главного героя – тираннозавра.

Когда короткий ролик закончился, Клеренс одобрительно закивал в сумраке просмотрного зала:

– Уже лучше. Но... Надо бы пострашнее. Чтобы от него кровь в жилах застывала. Пусть зрительницы в зале визжат и падают в обморок. Итак, начнем с нуля еще разок.

– Но теперь я на неделю отстаю от графика, – запротестовал Тервиллиджер. – Вы то и дело прибегаете – велите поменять то одно, то другое. И я меняю. Сегодня хвост, завтра лапы...

– Наступит день, когда мне будет не к чему придраться, – сказал Клеренс. – Но для этого надо попотеть. Итак, к рабочему столу – и разогрейте как следует свою фантазию.

В конце месяца состоялся второй просмотр.

– Уже почти то, Тервиллиджер! Вот-вот будет то! – констатировал Клеренс. – Морда близка к идеалу. Однако надо попробовать еще разок.

Тервиллиджер поплелся обратно к рабочему столу. Теперь его динозавр ругался в кадре последними словами. У того, кто умеет читать по губам, могли бы волосы встать дыбом, приди ему в голову пристально следить за ртом тираннозавра. Однако обычная публика, обманутая звуковой дорожкой, услышит только рев и рык. А в одну из бессонных ночей Тервиллиджер внес дополнительные изменения в физиономию зверя.

На следующий день в просмотровом зале Клеренс едва ли не прыгал от радости:

– В самую точку! Великолепно! Теперь я вижу перед собой настоящего монстра. Бр-р! Какая мерзость!

С сияющим выражением лица он повернулся к своему юристу, мистеру Глассу, и своему ассистенту, Мори Пулу:

– Как вам нравится моя зверушка?

Тервиллиджер, набычившийся в последнем ряду, такой же ширококостный, как и созданный им ящер, заметил, как пожилой законник передернул плечами:

– Все страшилища одинаковые.

– Ты прав, Гласс. Но это особенное страшилище, – радостно гундосил Клеренс. – Даже я готов признать, что наш Тервиллиджер – настоящий гений!

Затем все сосредоточились на экране, где в чудовищном вальсе кружил по поляне исполнинский ящер, кося своим острым как бритва хвостом траву и вытаптывая цветы. В какой-то момент зверь успокоился и, показанный крупным планом, задумчиво уставился в туман, грызя окровавленный кусок ящера помельче.

– Этот монстр мне кого-то напоминает, – заметил мистер Гласс, напряженно шурясь на экран.

– Кого-то напоминает? – весь напрягся Тервиллиджер.

– У зверюги такое выражение... – задумчиво сказал мистер Гласс. – Где-то я подобное видел.

– Быть может, в Музее естественной истории?

– Нет-нет.

– Гласс, – хохотнул Клеренс, – вы наверняка читали книжки с картинками про динозавров. Вот и застряло в памяти.

– Странно... – Не смущенный репликой шефа, Гласс спетушил голову набок и прикрыл один глаз. – Я, как детектив, никогда лица не забываю. И с этим тираннозавром я где-то определенно встречался.

– Да плевать! – гаркнул Клеренс. – Зверь получился на славу. Всем монстрам монстр. А все потому, что я постоянно стоял у Тервиллиджера над душой и помогал советами. Идемте, Мори.

Когда за продюсером закрылась дверь, мистер Гласс пристально посмотрел на Тервиллиджера. Не сводя с него глаз, он крикнул в будку механика:

– Уолт! Уолтер! Пожалуйста, крутани пленку еще раз.

– Как скажете.

Во время нового просмотра Тервиллиджер беспокойно ерзал в кресле. Он чувствовал сгущающуюся в зале тревогу. Ужасы в доисторических лесах казались ему детской игрой по сравнению с опасностями, которые поджидают его в стенах этой студии.

– Да-да, совершенно точно, – рассуждал вслух мистер Гласс, – я точно помню его, прямо перед глазами стоит... Но кто?

Гигантский хищник развернулся в сторону камеры и, словно собираясь ответить на вопрос юриста, глянул сквозь миллиард лет на двух людишек, прячущихся в темной комнате. Тираннозавр открыл пасть, будто хотел представиться, но вместо этого сотряс джунгли бессмысленным ревом.

Когда через десять недель черновой вариант фильма был готов, Клеренс собрал в просмотровом зале человек тридцать: управленцы, техперсонал и несколько друзей продюсера.

Примерно на пятнадцатой минуте фильма по залу вдруг прокатилось что-то вроде общего удивленного вздоха.

Клеренс озадаченно завертел головой.

Сидящий рядом с ним мистер Гласс вдруг выпрямился и окаменел.

Тервиллиджер с самого начала просмотра нутром почуял опасность, встал, прокрался к выходу и остался там, почти распластавшись по стене. Он понятия не имел, чего именно он боится. Просто напряженные нервы подсказывали, что лучше быть поближе к двери.

Вскоре зрители снова хором ахнули.

А кто-то, вопреки кровавым ужасам на экране, вдруг хихикнул. Какая-то секретарша. Затем воцарилась гробовая тишина.

Потому что Джо Клеренс вскочил на ноги.

Маленькая фигурка пробежала к экрану и рассекла его надвое своей тенью. На протяжении нескольких мгновений два существа мельтешили в темноте – тираннозавр на экране грузно метался, разрывая зубами птеранодона, а рядом Клеренс размахивал руками и топал ногами, будто хотел включиться в доисторическую схватку.

– Остановите пленку!

Тираннозавр на экране застыл.

– В чем дело? – спросил мистер Гласс.

– Это вы меня спрашиваете, в чем дело?

Клеренс подскочил вплотную к экрану и маленькой ручкой стал тыкать тираннозавру в челюсть, в глаза, в клыки, в лоб. Потом он развернулся лицом к залу и, ослепленный светом проектора, прикрыл глаза. На его щечках отражалась шкура рептилии.

– Это что такое? Я вас спрашиваю, это что такое? – провизжал он.

– Динозавр, шеф. Очень крупный.

– «Динозавр»! – передразнил Клеренс и злобно шлепнул кулаком по экрану. – Черта с два! Это я!

Одни зрители озадаченно подались вперед, другие с улыбками откинулись на спинки кресел. Двое вскочили. Один из вскочивших был мистер Гласс. Он нащупал в кармане вторые, более сильные очки, посмотрел на экран и простонал:

– Боже, так вот где я его видел!

– Что вы хотите сказать? – заверещал Клеренс.

Мистер Гласс затряс головой и закатил глаза:

– Я же говорил, что это лицо мне знакомо!

По комнате прошел ветерок.

Все взгляды устремились в сторону выхода. Дверь была открыта.

Тервиллиджера и след простыл.

Тервиллиджера нашли в его студии – он проворно собирал свои вещи в большой картонный ящик. Тираннозавр торчал у него под мышкой.

Когда толпа с Клеренсом во главе ввалилась в студию, Тервиллиджер затравленно оглянулся.

Продюсер заорал с порога:

– Чем я заслужил такое?

– Я прошу прощения, мистер Клеренс.

– Он просит прощения! Разве я вам плохо платил?

– Да не то чтобы хорошо.

– Я приглашал вас на ланчи...

– Только однажды. И счет за двоих оплатил я.

– Вы ужинали в моем доме, вы плавали в моем бассейне. И вот ваша благодарность?..

Вы уволены! Вон отсюда!

– Вы не можете уволить меня, мистер Клеренс. Последнюю неделю я работаю за так – вы забыли выдать мне чек...

– Плевать! Вы уволены в любом случае. Вы уволены решительно и окончательно. Ни одна студия в Голливуде вас не примет! Уж я об этом позабочусь! Мистер Гласс! – Клеренс обернулся в поисках юриста. – Мы завтра же возбуждаем судебный процесс против этой змеи, которую я пригрел на своей груди!

– А что вы можете у меня отсудить? – возразил Тервиллиджер. Ни на кого не поднимая глаз, он сновал по студии, собирая в ящик остаток своих вещей. – Что можно у меня отнять? Деньги? Вы мне платили не так много, чтобы я что-то откладывал. Дом? Никогда не мог позволить себе. Жену? Я всю жизнь работал на людей вроде вас и, стало быть, содержать жену не имел возможности. Я все свое ношу с собой. Вы меня ни с какого конца не прищучите. Если отнимете моих динозавров – ладно, я укачу в какой-нибудь городок в глуши, разживусь там банкой латекса, ведром глины и дюжиной стальных трубок и создам новых рептилий. Пленку я куплю дешевую и оптом. Моя старенькая камера всегда при мне. Времени уйдет больше, но я своего добьюсь. Руки у меня, слава богу, золотые. Так что вам меня не уесть.

– Вы уволены! – заорал Клеренс. – Не прячьте глаза! Вы уволены! Ко всем чертям уволены!

– Мистер Клеренс, – негромко вмешался мистер Гласс, выступая вперед из группы сотрудников, – позвольте мне переговорить с Тервиллиджером наедине.

– Беседуйте с ним хоть до конца света! – злобно прогнусавил Клеренс. – Какой теперь в этом прок? Вот он, стоит и в ус не дует, а под мышкой у него страшилище, как две капли воды похожее на меня. Прочь с дороги!

Клеренс пулей вылетел из студии. За ним вышла и свита.

Мистер Гласс прикрыл дверь и прошел через комнату к окну. Выглянув в окно, какое-то время смотрел на чистое, без единого облачка, небо.

– Дождь сейчас был бы очень кстати, – сказал он. – Одного я терпеть не могу в Калифорнии: здесь не бывает хорошего дождя, со свистопляской. А сейчас бы и просто капля с неба не помешала.

Он замолчал. Тервиллиджер замедлил свои лихорадочные сборы. Мистер Гласс опустился в кресло у стола, достал блокнот и карандаш и заговорил – негромко и с грустью в голосе, как будто говорил сам с собой:

– Итак, посмотрим, что мы имеем. Использовано шесть роликов пленки высшего качества, сделана половина фильма и три тысячи долларов пошли коту под хвост. Рабочая группа картины без работы – зубы на полку. Акционеры топают ногами и требуют компенсации. Банк по головке не погладит. Очередь людей сыграть в русскую рулетку. – Он поднял глаза на Тер-

виллиджера, который защелкивал замки своего портфеля. – Зачем вы это сотворили, господин Творец?

Тервиллиджер потупил глаза на свои провинившиеся руки.

– Клянусь вам, я сам не ведал, что творю. Работали только пальцы. Это детище подсознания. Я не нарочно – руки работали сами по себе.

– Лучше бы ваши руки пришли в мой офис и сразу задушили меня, – сказал мистер Гласс. – Хотя бы не мучился! Я боялся умереть в автокатастрофе. Но никогда не предполагал, что погибну под пятой резинового монстра. Ребята из съемочной группы теперь как спелые помидоры на дороге у слона.

– Мне и без того тошно, – сказал Тервиллиджер. – Не втирайте соль в рану.

– А чего вы от меня ждете? Чтоб я пригласил вас развеяться в танцевальный зал?

– Он получил по заслугам! – вскричал Тервиллиджер. – Он меня доставал. «Сделай так. Сделай сак. Исправь тут. Выверни наизнанку здесь!..» А мне только и оставалось молча исходить желчью. Я был на пределе ярости двадцать четыре часа в сутки. И бессознательно стал вносить вполне определенные изменения в рожу динозавра. Но еще за секунду до того, как мистер Клеренс начал бесноваться, мне и в голову не приходило, что именно я создал. Разумеется, я виноват и целиком несу груз ответственности.

– Не целиком, – возразил мистер Гласс. – У нас ведь тоже глаза не на затылке. Мы обязаны были заметить. А может, заметили, но признаться себе не посмели. Возможно, по ночам во сне мы довольно хохотали, а утром ничего не помнили. Ладно, подведем итоги. Мистер Клеренс вложил немалые деньги и не хотел бы их потерять. Вы вложили талант и не хотели бы пустить по ветру свое будущее. В данный момент мистер Клеренс расцеловал бы любого, кто докажет ему, что случившееся просто страшный сон. Его ярость на девяносто процентов вызвана тем, что фильм из-за досадной глупости не выйдет на экраны, и тогда плакали его денежки. Если вы уделите несколько минут своего драгоценного времени на то, чтобы убедить мистера Клеренса в том, что я вам сейчас изложу, съемочной группе завтра не нужно будет листать «Варьете» и «Голливудский репортер» в поисках работы. Не будет вдов и сирот, и все уладится наилучшим образом. Вам нужно сказать ему...

– Сказать мне что?

Это произнес знакомый тоненький голос. Клеренс стоял в дверях – все еще багровый от бешенства.

– То же, что он минуту назад говорил мне, – хладнокровно отозвался мистер Гласс. – Весьма трогательная история.

– Я весь внимание! – пролаял Клеренс.

– Мистер Клеренс, – начал бывалый юрист, взвешивая каждое слово, – своим фильмом мистер Тервиллиджер хотел выразить свое восхищение вами. Воздать вам должное.

– Что-что? – возопил Клеренс.

Похоже, от удивления челюсти отвисли разом у обоих – и у Клеренса, и у Тервиллиджера.

Старый законник, все так же глядя на стену перед собой, скромно осведомился:

– Следует ли мне продолжать, Тервиллиджер?

Мультипликатор проглотил удивление и сказал:

– Да, если вам угодно.

– Так вот, – мистер Гласс встал и величаво указал в сторону просмотрового зала, – увиденный вами фильм сделан с чувством глубочайшего уважения и дружеского расположения к вам, мистер Клеренс. Вы денно и ночно трудитесь на ниве кинематографа, оставаясь невидимым героем киноиндустрии. Неведомый широкой публике, вы трудитесь как пчелка, а кому достаются лавры? Режиссерам. Звездам. Как часто какой-нибудь простой человек из глубинки говорит своей женушке: «Милая, я тут вечером думал о Джо Клеренсе – великий продюсер, не правда ли?» Как часто? Да никогда, если смотреть правде в глаза. Тервиллиджер этот факт

осознал. И его мозг включился в работу. «Как познакомить мир с таким явлением, как подлинный Джо Клеренс?» – вот какой вопрос задавал себе снова и снова наш друг. И вот его взгляд упал на динозавра, стоявшего на рабочем столе. Хлоп! И на Тервиллиджера снизошло! «Вот оно, – подумал он, – вот передо мной олицетворенный ужас мира, вот существо одинокое, гордое, могучее, с хитрым умом хищника, символ независимости и знамя демократии – благодаря доведенному до предела индивидуализму». Словом, гром и молния, одетые в панцирь. Тираннозавр – тот же Джо Клеренс. Джо Клеренс – тот же тираннозавр. Деспот доисторических лесов – и великий голливудский магнат. Какая восхитительная параллель!

Мистер Гласс опустил на стул. Он даже не запыхался после столь вдохновенной и долгой речи.

Тервиллиджер помалкивал.

Клеренс молча прогулялся по комнате, медленно обошел по кругу мистера Гласса. Прежде багровое лицо продюсера было теперь скорее бледным. Наконец Клеренс остановился напротив Тервиллиджера.

Его глазки беспокойно бегали по долговязой фигуре режиссера.

– Так вы это рассказали Глассу? – спросил он слабым голосом.

Кадык на шее Тервиллиджера прогулялся вверх-вниз.

– У него хватило духу только со мной поделиться, – объяснил мистер Гласс. – Застенчивый парень. Все его беды от застенчивости. Вы же сами видели: он такой неразговорчивый, такой безответный. Ни разу не огрызнется, все держит в себе. А в глубине души любит людей, только сказать стесняется. У замкнутого художника один способ выразить свою любовь – увековечить в образе. Тут он владыка!

– Увековечить? – недоверчиво переспросил Клеренс.

– Вот именно! – воскликнул старик юрист. – Этот тираннозавр все равно что статуя на площади. Только ваш памятник передвижной – бегаем по экрану. Пройдут годы, а люди все еще будут говорить друг другу: «Помните фильм „Монстр эпохи плейстоцена“? Там был потрясающий монстр, настоящий зверь, к тому же недюжинный характер, любопытная индивидуальность, горячая и независимая натура. За всю историю Голливуда никто не создал лучшего чудовища. А все почему? Потому что при создании чудовища один гениальный режиссер имел достаточно ума и воображения опереться на черты характера реального человека – крутого и сметливого бизнесмена, великого магната киноиндустрии». Вот как будут говорить люди. Мистер Клеренс, вы входите в историю. В фильмотеках будут спрашивать фильм про вас. Клуб любителей кино – приглашать на встречи со зрителями. Какая бешеная удача! Увы, с Иммануилом Глассом, заурядным юристом, подобной феерии произойти не может. Короче говоря, на протяжении следующих двухсот или даже пятисот лет ежедневно где-нибудь да будет идти фильм, в котором главная звезда – вы, Джо Клеренс.

– Еже... ежедневно? – мечтательно произнес Клеренс. – На протяжении следующих...

– Восьмисот лет. А почему бы и нет!

– Никогда не смотрел на это с такой точки зрения.

– Ну так посмотрите!

Клеренс подошел к окну, какое-то время молча таращился на голливудские холмы, затем энергично кивнул.

– Ах, Тервиллиджер, Тервиллиджер! – сказал он. – Неужели вы и впрямь до такой степени любите меня?

– Трудно словами выразить, – выдавил из себя Тервиллиджер.

– Я полагаю, мы просто обязаны доснять этот потрясающий фильм, – сказал мистер Гласс. – Ведь звездой этой картины является тиран джунглей, сотрясающий своим движением землю и обращающий в бегство все живое. И этот безраздельный владыка, этот страх Господень не кто иной, как мистер Джозеф Клеренс.

– М-да, м-да... Верно! – Клеренс в волнении забежал по комнате. Потом рассеянно, походкой счастливого лунатика направился к двери, остановился на пороге и обернулся. – А ведь я, признаться, всю жизнь мечтал стать актером!

С этими словами он вышел – тихий, умиротворенный.

Тервиллиджер и Гласс разом согнулись от беззвучного хохота.

– Страшилозавр! – сказал старик юрист.

А режиссер тем временем доставал из ящика письменного стола бутылку виски.

После премьерного показа «Монстра каменного века», ближе к полуночи, мистер Гласс вернулся на студию, где предстоял большой праздник. Тервиллиджер угрюмо сидел в одиночестве возле отслужившего макета джунглей. На коленях у него лежал тираннозавр.

– Как, вы не были на премьере? – ахнул мистер Гласс.

– Духу не хватило. Провал?

– С какой стати! Публика в восторге. Критики визжат. Прекрасней монстра еще никто не видал! Уже пошли разговоры о второй серии: «Джо Клеренс опять блистает в роли тираннозавра в фильме „Возвращение монстра каменного века“», – звучит! А потом можно снять третью серию – «Зверь со старого континента». И опять в роли тирана джунглей несравненный Джо Клеренс!..

Зазвонил телефон. Тервиллиджер снял трубку.

– Тервиллиджер, это Клеренс. Я буду на студии через пять минут. Мы победили! Ваш зверь великолепен! Надеюсь, уж теперь-то он мой? Я хочу сказать, к черту контракт и меркантильные расчеты. Я просто хочу иметь эту душку-игрушку на каминной полке в моем особняке!

– Мистер Клеренс, динозавр ваш.

– Боже! Это будет лучше «Оскара». До встречи!

Ошарашенный Тервиллиджер повесил трубку и доложил:

– Большой босс лопается от счастья. Хихикает как мальчишка, которому подарили первый в его жизни велосипед.

– И я, кажется, знаю причину, – кивнул мистер Гласс. – После премьеры к нему подбежала девочка и попросила автограф.

– Автограф?

– Да-да! Прямо на улице. И такая настойчивая! Сперва он отнекивался, а потом дал первый в своей жизни автограф. Слышали бы вы его довольный смешок, когда он подписывался! Кто-то узнал его на улице! «Глядите, идет тираннозавр собственной персоной!» И господин ящер с довольной ухмылкой берет в лапу ручку и выводит свою фамилию.

– Погодите, – промолвил Тервиллиджер, наливая два стакана виски, – откуда взялась такая догадливая девчушка?

– Моя племянница, – сказал мистер Гласс. – Но об этом ему лучше не знать. Ведь вы же не проболтаетесь?

Они выпили.

– Я буду нем как рыба, – заверил Тервиллиджер.

Затем, подхватив резинового тираннозавра и бутылку виски, оба направились к воротам студии – поглядеть, как во всей красе, сверкая фарами и гудя клаксонами, на вечеринку начнут съезжаться лимузины.

Каникулы

Проростки травинок, облака в вышине и бабочки на земле придавали свежесть этому дню, сотканному из безмолвия пчел и цветов, океана и суши, которое было вовсе не тишиной, а движением, шевелением, трепетом, взлетом, падением, происходившими каждое в свой срок, в своем несовместном ритме. Земля и двигалась, и не двигалась. Море и волновалось, и не волновалось. Парадокс сливался с парадоксом, неподвижность с неподвижностью, звук – со звуком. Цветы дрожали, и пчелы падали дождиком на клевер. Море холмов и владения океана разделял от взаимных поползновений заброшенный рельсовый путь из ржавчины и железной сердцевины, по которому явно годами не бегали поезда. Рельсы, извиваясь, уходили на тридцать миль к северу, в далекую мглу, на тридцать миль к югу, буравя острова облаков-теней, менявших свое континентальное положение на склонах далеких гор, пока не исчезали из виду.

А тут вдруг по рельсам пробежала дрожь.

Дрозд на рельсе почуял слабо нарастающий пульс за много миль, словно начинающее биться сердце.

Дрозд вспорхнул над морем.

Рельс продолжал мягко вибрировать, и вот наконец на извилистом берегу возникла дрезина, пыхтя и чавкая двухцилиндровым мотором в великой тиши.

На четырехколесной платформе, на скамьях по каждому борту, в тени навеса сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. По пути от одного пустынного перегона до другого ветер хлестал по глазам и трепал волосы, но они не отворачивались, а смотрели только вперед. Иногда они выглядывали за поворот с нетерпением, иногда с большой печалью, но всегда бдительно, всегда готовые к очередной смене декораций.

Как только они выехали на прямой отрезок пути, мотор резко чихнул и заглох. В оглушительной тишине казалось, будто безмолвие земли, неба и моря своим трением затормозило дрезину, заставив остановиться.

– Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал запасную канистру из ящика и залил горючее в бак.

Жена и сын тихо глядели на море, прислушиваясь к приглушенному шуму, шипению, сползанию больших гобеленов песка, гальки, зеленых водорослей и пены.

– Правда красиво? – спросила женщина.

– Мне нравится, – ответил мальчуган.

– Устроим пикник, раз уж мы все равно здесь?

Мужчина навел бинокль на лежащий впереди зеленый мыс.

– Почему бы нет. Рельсы сильно заржавели. Впереди разрыв. Придется подождать, пока я уложу несколько рельсов на место.

– Чем больше остановок, тем лучше, – сказал мальчик, – будем устраивать пикники!

Женщина попыталась ответить на слова сына улыбкой, затем перевела мрачноватое внимание на мужчину.

– Сколько мы сегодня проехали?

– Миль девяносто, не больше.

Он, по-прежнему щурясь, смотрел в бинокль.

– Мне не хочется покрывать за день большее расстояние. Если спешить, не хватит времени на наблюдения. Послезавтра будем в Монтерее, еще через день – в Пало-Альто, если захотим.

Женщина сняла большую соломенную шляпу от солнца, повязанную поверх золотистых волос ярко-желтыми ленточками, и стояла, едва источая пот, вдалеке от машины. Они так долго тряслись на дрезине, что дрожь пронизывала их тела. Теперь же, на привале, они чувствовали себя не в своей тарелке, на грани срыва.

– Давайте поедим!

Мальчик бегом отнес на берег корзинку с едой.

Мальчик и женщина уже уселись у расстеленной скатерти, когда к ним спустился мужчина, переодевшись в деловой костюм и жилет, в галстук и шляпе, словно по пути у него была назначена встреча. Раздавая сэндвичи и выуживая соленья из зеленых банок для консервов, он ослабил галстук и расстегнул жилет, как всегда, озираясь по сторонам, словно следовало быть начеку и снова застегиваться в случае чего.

– Папа, мы совсем одни? – поинтересовался мальчик, пережевывая пищу.

– Да.

– Больше никого нигде нет?

– Больше никого.

– А раньше люди были?

– Почему ты все время об этом спрашиваешь? Это же было не так давно. Всего несколько месяцев назад. Ты ведь помнишь.

– Почти. Если сильно постараюсь, а так ничегошеньки не помню. – Сквозь пальцы мальчика сочился песок. – А людей было столько, сколько песчинок на пляже? Что с ними *стряслось*?

– Я не знаю, – честно признался мужчина.

Они проснулись однажды утром – и мир опустел. На соседской бельевой веревке ветер колыхал одежду. Автомобили блестели перед коттеджами в семь утра, но никто никому не говорил: «До свидания», город не гудел мощными транспортными артериями, телефоны не звонили, дети не плакали в зарослях подсолнухов.

За ночь до этого он и его жена сидели на крыльце, когда принесли вечернюю газету, и еще даже не смея взглянуть на заголовки, мужчина сказал:

– Интересно, когда Он от нас устанет и просто сотрет в порошок?

– Все зашло слишком далеко, – сказала она. – Конца этому нет. Мы такие глупцы, не правда ли?

– А ведь как было бы здорово... – он раскурил трубку, пуская клубы дыма... – если бы мы проснулись завтра и все на свете исчезли бы и все началось бы сызнова? – Он сидел, покуривая, держа сложенную газету, откинув голову на спинку стула.

– Если бы можно было прямо сейчас нажать кнопку и это бы произошло, ты бы так поступил?

– Думаю, да, – сказал он. – Никакого насилия. Просто все исчезают с лица Земли. Остаются лишь земля, море, растения – травы, цветы, плодовые деревья. И живность, конечно, пускай останется. Все, кроме людей, которые охотятся, когда не голодны, едят, когда сыты, и хамят, когда их не обижают.

– Нас, разумеется, оставят, – тихо улынулась она.

– Не возражаю, – задумчиво сказал он. – Все время в нашем распоряжении. Самые длинные летние каникулы в истории. А мы отправляемся на самый продолжительный пикник с корзинками снэди. Только ты, я и Джим. Никакой езды на работу. Никакого «равнения» на соседей. Даже никаких автомобилей. Я бы хотел открыть иной, более старомодный способ передвижения. Большая плетеная корзина с сэндвичами, три бутылки шипучки. Припасы

собираешь, где тебе нужно: в опустевших магазинах, в пустынных городах, а впереди – вечное лето...

Они долго молча сидели на крыльце; между ними лежала свернутая газета.

Наконец она заговорила.

– А нам не будет *одинок*о?

* * *

Вот каким было утро нового мира. Они пробудились под нежное звучание земли, которая отныне превратилась в лужайку, земные города погрязли в море осоки, ноготков, маргариток и выюнков. Поначалу они отнеслись к этому с завидным спокойствием: может, потому что многие годы недолюбливали город; у них было столько приятелей, которые не были истинными друзьями; они жили изолированной, обособленной, замкнутой жизнью внутри механического улья.

Муж встал и выглянул в окно, и очень сдержанно прокомментировал, словно прогноз погоды: «Все исчезли», судя лишь по гулу, который город перестал издавать.

Завтракали без спешки, потому что мальчик еще спал; затем муж откинулся на спинку стула и сказал:

– Теперь нужно составить план действий.

– Действий? Зачем... ведь ты же пойдешь на работу.

– Тебе все еще не верится, не так ли? – рассмеялся он. – В то, что я не буду каждый день сломя голову бежать на работу в десять минут девятого, что Джим больше не будет ходить в школу. Школа распущена для всех нас! Покончено с карандашами, книжками, нахальными взглядами начальника! Нас отпустили, дорогая, и мы никогда не вернемся к скучным глупым порядкам. Идем!

И он прогулялся с ней по замершим опустевшим улицам города.

– Они не умерли, – сказал он. – Они просто... ушли.

– А как же другие города?

Он зашел в телефонную будку и позвонил в Чикаго, потом в Нью-Йорк, потом в Сан-Франциско.

Молчание. Молчание. Молчание.

– Вот так-то, – сказал он, вешая трубку.

– Я чувствую себя виноватой, – сказала она. – Их нет, а мы есть. И... я счастлива. Почему? Мне же полагается испытывать угрызения совести.

– Полагается? Никакой трагедии. Их не пытали, не взрывали, не жгли. Они ушли легко, ни о чем не догадываясь. И теперь мы ни перед кем не в долгу. Наша единственная обязанность – быть счастливыми. Еще тридцать лет счастья. Разве плохо?

– Но... тогда у нас должно быть больше детей!

– Чтобы перезаселить Землю? – он медленно и спокойно покачал головой. – Нет. Пусть Джим будет последним. После того как он вырастет и умрет, пускай мир унаследуют лошади, коровы, суслики и пауки. Они поладят. И в один прекрасный день другие виды, способные сочетать природное счастье с природным любопытством, построят города, которые нам даже не покажутся городами, и они выживут. А сейчас давай соберем корзину, разбудим Джима и отправимся на тридцатилетние каникулы. Спорим, я первым добежу до дома!

* * *

Он достал из дрезины кувалду и пока в одиночку целый час укладывал ржавые рельсы, женщина и мальчик бегали по берегу. Они вернулись с дюжиной мокрых ракушек и красивых

розовых камушков. Они уселись, и мальчик делал уроки с мамой, выводя карандашом домашнее задание на грифельной доске. Затем под вечер пришел мужчина, без пиджака, с галстуком набекрень. Они жадно пили апельсиновую газировку, наблюдали, как пузырьки рвутся вверх из бутылок. Стояла тишина. Они прислушивались, как солнце занимается настройкой старых стальных рельсов. Запах разогретой смоляной пропитки шпал витал меж ними в просоленном воздухе. А муж тем временем нежно похлопывал по атласу.

– Через месяц, в мае, мы поедем в Сакраменто. Затем в Сиэтл. К первому июля доберемся. Июль – хорошее время в штате Вашингтон. Потом, как похолодает, – в Йеллоустоун, по несколько миль в день, тут поохотимся, там порыбачим...

Мальчику наскучило, и он принялся кидать в океан палки и бегать за ними, как собачка, чтобы принести обратно.

Мужчина продолжал:

– Зимой – в Тусоне, затем часть зимы проведем во Флориде, весной на побережье, и, может быть, в Нью-Йорке к июню. Через два года – летом в Чикаго. Три года спустя, зимой, может, махнуть в Мехико-Сити? Куда только рельсы приведут. И если мы найдем старую железнодорожную ветку, про которую ничего не знаем, то что за печаль – поедем по ней, она куда-нибудь да приведет. А в какой-нибудь год мы спустимся на лодке по Миссисипи, всегда об этом мечтал. Хватит на всю оставшуюся жизнь. Вот сколько мне хотелось бы этим заниматься...

Его голос дрогнул. Он начал было теребить в руках сложенный атлас, но тут нечто сверкнуло в воздухе, плюхнулось на бумагу, скатилось в песок и свалялось во влажный комочек.

Жена посмотрела на влажное пятно в песке и быстро перевела взгляд на лицо мужа. Его печальные глаза заблестели. А на одной щеке остался влажный след.

Она затаила дыхание. Взяла его за руку и крепко сжала.

Он сильно стиснул ее пальцы, смежив веки, и медленно, не без труда, промолвил:

– Вот было бы здорово, если бы мы легли вечером спать, а за ночь все вернулось бы на свои места – вся глупость, весь шум, вся ненависть, все ужасное, кошмарное, все злодеи и глупые дети, вся неразбериха, мелочность, суматоха, надежда, нужда, любовь. Вот было бы славно.

Она выдержала паузу и кивнула.

Затем они оба вздрогнули.

Ибо между ними неизвестно сколько времени стоял их сынок с пустой бутылкой из-под шипучки в руке.

Лицо мальчика побледнело. Свободной рукой он дотянулся до папиной щеки, на которой оставила след единственная слеза.

– Тебе, – сказал он, – тебе *тоже* не с кем поиграть, папочка?

Жена начала что-то говорить.

Муж потянулся, чтобы взять сына за руку.

Мальчик отпрянул.

– Глупые, глупые! Дураки! Тупые, тупые!

И крутанувшись волчком, он бросился к океану и встал на берегу, громко рыдая.

Жена встала, чтобы пойти за ним, но муж придержал ее.

– Не надо. Оставь его.

Они оба озябли и притихли, ибо внизу на берегу плачущий навзрыд мальчик что-то написал на клочке бумаги, затолкнул в бутылку, закупорил жестяной крышкой и со всей силы запустил ее сверкающим снарядом в воздух и в набегающие морские волны.

«Что он написал в записке? – подумала жена. – Что там в бутылке?»

Бутылка уплывала.

Мальчик перестал плакать.

Прошло много времени, прежде чем он подошел к родителям и посмотрел на них. В его взгляде не было мрачности, просветления, оживления, оцепенения, решительности, отрешенности, а просматривалось странное смешение чувств – примирение со временем, погодой и этими людьми. Они взглянули на него и на залив за его спиной, где на волнах поблескивала бутылка с запиской.

«Может, он написал то, что хотелось нам? – подумала женщина. – Может, он записал подслушанные у нас слова и желания?»

«А может, он написал что-то лишь для себя, – гадала она, – чтобы завтра проснуться и обнаружить, что он остался один в опустевшем мире; чтобы никого вокруг: ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, ни глупых взрослых с дурацкими пожеланиями, чтобы он – одинокий мальчик – мог дойти до железной дороги и управлять дрезиной в континентальной пустыне, в вечных странствиях и пикниках?»

Что он написал в записке?

Какое из этих двух желаний?

Она поискала ответ в его бесцветных глазах, но тщетно; а спросить не решилась.

Тени чаек парили и скользили по их лицам, обдавая внезапной мимолетной прохладой.

– Пора ехать, – сказал кто-то из них.

Они погрузили корзинки на дрезину. Женщина надежно повязала свою большую шляпу желтой лентой. Они поставили тазик с ракушками мальчика на пол, затем муж повязал галстук, надел жилет, пиджак, шляпу и они уселись на скамейки с видом на море, в котором далеко на горизонте посверкивала бутылка с запиской.

– А достаточно попросить? – спросил мальчик. – Пожелания исполняются?

– Иногда... даже *чересчур*.

– Смотря о чем просишь.

Мальчик кивнул, устремив взор вдаль.

Они оглянулись на место, откуда приехали, а затем посмотрели вперед – туда, куда направлялись.

– Прощай, местечко, – сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам. Ее тарахтенье затухало, ослабевало. Мужчина, женщина и ребенок растворились в пространстве между холмов.

После того как они скрылись из виду, рельсы подрожали слегка еще пару минут и перестали. Облупилась ржавчина. Кивнул цветок.

Море расшумелось.

Юный барабанщик из Шайлоу

Апрельской ночью с плодовых деревьев шуршащей дробью на барабанный пергамент осыпался персиковый цвет. В полночь склеванная птицей косточка, чудом перезимовавшая на ветке, громыхнула стремительной невидимкой, заставив мальчика лихорадочно вскочить. В тиши он прислушивался к биению своего сердца, которое от волнения чуть не выскочило из ушей, но потом утомилось.

После этого мальчик уложил барабан на бок, и каждый раз, когда он открывал глаза, на него пялился большой луноподобный лик.

Выражение его лица и в тревожном, и в спокойном состоянии было возвышенным. Время и ночь и вправду были возвышенными для подростка, которому в персиковых садах у Совиного ручья, неподалеку от церкви в Шайлоу, только что минуло четырнадцать.

– ...Тридцать один, тридцать два, тридцать три...

Ничего не видя, он сбился со счета.

Дальше тридцати трех знакомых силуэтов в мундирах вкривь и вкось лежали сорок тысяч человек, изнуренных нервным ожиданием: им не спалось из-за романтических грез о битвах, в которых они еще не сражались. А милей дальше, замедляя шаг, в беспорядке прибывала другая армия, воображая, как она себя проявит, когда настанет пора: натиском, возгласами, стратегией безрассудного броска, а юный возраст послужит им оберегом и благословением.

Время от времени мальчик слышал, как поднимается могучий ветер, едва приводя в движение воздух. Но он знал, что происходит: это две армии – тут и там – нашептывали себе что-то, переговаривались во тьме, бормотали под нос, и вокруг такая тишина, словно природная стихия поднялась на юге или на севере от вращения Земли навстречу утренней заре.

О чем шептались люди, мальчик мог лишь догадываться, полагая, что они говорят: «Я, я единственный. Я единственный из всех, кого не убьют. Я выживу. Я вернусь домой. Будет играть оркестр. А я буду там и все услышу».

«Да, – думал мальчик, – им хорошо, они могут дать сдачи!»

Ведь среди молодых мужчин, беспечно распластавших свои кости вокруг ночных костров, притаившись в садовой траве, лежали вразброс и стальные кости винтовок с примкнутыми штыками – вечными молниями.

«У меня, – думал мальчик, – только барабан да две палочки и никакой защиты».

Не оказалось там такого мужчины-юноши в ту ночь, кто перед своим первым сражением остался бы без собственноручно отлитого, склепанного или вырезанного щита, испытанного всамделишным порохом, шомполом, пульей и кремнем, усиленного отдаленной, но нерушимой пламенной верностью семье и флагу, патриотизмом и лихим презрением к смерти. Но мальчику, лишенному всего этого, казалось, что его семью, завывая, все дальше безвозвратно уносит во тьму поезд, поджигая прерии искрами, а его самого бросили с барабаном, что бесполезнее игрушки, в игре, которая разыграется завтра или совсем скоро.

Мальчик повернулся на бок. Мошка вскользь коснулась его лица, но оказалось, это лепесток персика. Лепесток персика вскользь коснулся его лица, но оказалось, это мошка. Все в движении. Все безымянно. Все не так, как было.

Если притаиться, то на рассвете солдаты, надев фуражки, осмелеют и уйдут, унося с собой войну, и не заметят, как он, такой маленький, лежит на земле, словно игрушка.

– Бог ты мой! – воскликнул некий голос.

Мальчик зажмурился, чтобы уйти в себя, но слишком поздно. Над ним возвышался некий ночной прохожий.

– Это же солдат, – тихо промолвил голос, – плачущий *перед* боем. Ладно. Пусть выплачется. Когда начнется заваруха, будет не до этого.

Голос начал было удаляться, но тут мальчик вздрогнул, толкнув локтем барабан. Услышав это, человек остановился. Мальчик почувствовал на себе его взгляд и как тот медленно наклонился над ним. И должно быть, протянул руку из темноты: послышалось постукивание ногтей; его дыхание коснулось лица мальчика.

– Да это же барабанщик, не так ли?

Мальчик кивнул, не зная, был ли замечен его кивок.

– Сэр, это *вы*?

– Полагаю, что я.

Колени человека хрустнули от приседания на корточки.

От него пахло всем, чем должны пахнуть отцы: соленым потом, имбирным табаком, конем, сапожной кожей и землей, по которой он ходил. У него было множество глаз. Нет, не глаз, а медных пуговиц, глазевших на мальчика.

Он мог быть только – и на самом деле был – Генералом.

– Как тебя зовут, парень? – спросил он.

– Джоби, – прошептал мальчик, глядя снизу вверх.

– Хорошо, Джоби, не дрожи. – Рука слегка нажала на его грудную клетку, и мальчик успокоился. – Давно ли ты в наших рядах?

– Три недели, сэр.

– Сбежал из дому, парень, или попал к нам на законных основаниях?

Молчание.

– Что за глупый вопрос, – сказал Генерал. – Уже бреешься, мальчик? Еще глупее вопрос. Твоя щека словно персик с этого дерева. Остальные тоже ненамного старше. Юнцы, какие же вы все юнцы. Готов к завтрашнему дню, Джоби, или послезавтрашнему?

– Думаю, да, сэр.

– Если хочешь поплакать, валяй, плачь. То же самое я делал прошлой ночью.

– *Вы*, сэр?

– Сушая правда. Думал вчера о том, что нас ждет. Обе стороны воображают, будто противная сторона сдастся, причем скоро, и войне конец за пару недель, и все разойдутся по домам. Так вот, этого не будет. Может, поэтому я и прослезился.

– Да, сэр, – сказал Джоби.

Должно быть, Генерал достал сигару, ибо темнота внезапно пропиталась индейским запахом табака, но не раскуренного, а пережеванного, ибо он обдумывал, что говорить дальше.

– Настают безумные времена, – сказал Генерал. – С обеих сторон – сто тысяч человек, плюс минус несколько тысяч, что собраны здесь ночью, и никто не умеет держать в руках винтовку, конскую лепешку от пушечного ядра не отличат. Встают в полный рост, подставляют грудь, напрашиваются, чтоб стать мишенью, благодарят и садятся – вот кто мы, и вот кто они. По-хорошему нам надо бы сдать назад, и натаскивать войска месяца четыре, и они должны сделать то же самое. Мы перепутали весеннюю лихорадку с жаждой крови, добавляем серу в порох вместо того, чтобы смешивать со снадобьями, как полагается. Геройствовать собрались, жить вечно собрались. И я вижу, как они все там кивают в знак согласия, только все будет наоборот. Все это так же нелепо, сынок, как свернуть себе голову и маршировать по жизни задом наперед. Если их одержимые генералы вздумают устроить своим парням пикник на нашей лужайке, то случится двойная бойня. С чисто ирокезским азартом расстреляют больше невинных душ, чем когда-либо. Несколько часов назад Совиный ручей кишмя кишел парнями под полуденным солнцем. Я опасаюсь, что завтра на закате парни снова окажутся в ручье, и им будет все равно, куда их несет течение.

Генерал умолк и в темноте собрал в кучку зимние листья и веточки, словно собирался их зажечь, чтобы увидеть свой путь сквозь грядущие дни, если солнце вдруг отвернет свой лик из-за того, что творилось тут и там.

Мальчик следил за рукой, перемешивающей листья, и открыл было рот, чтобы заговорить, но ничего не сказал.

– Ты хочешь спросить, зачем я тебе это рассказываю? Так вот, когда ты имеешь дело с табуном необузданных жеребцов, то их следует приструнить, обуздать. Эти парни совсем еще желторотые юнцы, они не знают того, что известно мне, а я не могу им втолковать: люди гибнут на войне. Каждый сам себе армия. Я должен собрать их в *одну* армию. И для этого мне нужен ты, мой мальчик.

– Я! – его губы еле зашевелились.

– Итак, парень, – тихо сказал Генерал, – ты – сердце армии. Задумайся. Ты – сердце армии. А теперь слушай.

И лежа Джоби слушал.

И Генерал продолжал говорить.

Если он, Джоби, утром будет барабанить медленно, то и людские сердца будут биться медленно. Они будут отставать. Будут дремать в поле на своих ружьях. И уснут вечным сном в этих полях, ибо их сердца забьются медленно под его барабанный бой и остановятся от вражьего свинца.

Но если его барабанная дробь будет уверенной, твердой, ускоренной, тогда их колени выстроятся в длинную шеренгу у того холма, одно колено за другим, подобно волне на берегу океана! Он видел когда-нибудь океан? Видел, как накатывают волны, словно слаженная кавалерийская атака на песчаный берег? Именно этого он добивается. Вот что ему нужно! Джоби – его правая рука и левая рука. Он отдает приказы, а Джоби задает темп!

Итак, правое колено вверх, правую ступню вперед, левое колено вверх, левую ступню вперед. Одно за другим в хорошем стремительном ритме. Разгоняй кровь по телу, выше голову, прямее спину, подбородок – решительней. Целься, стисни зубы, раздувай ноздри, крепче хватку, надень стальные доспехи на всех воинов, ибо кровь, бегущая по жилам, в самом деле дает им ощущение, что они облачены в сталь. Он должен, не сбавляя темпа, долго и упорно, упорно и долго делать свое дело! Тогда даже стреляные и рваные раны, полученные, когда вскипает кровь, которую он взбудоражил, будут менее мучительны. Если бы кровь была холодна, то это было бы больше, чем бойня. Это обернулось бы убийственным кошмаром и неопишуемой болью.

Генерал умолк, чтобы перевести дух. Спустя мгновение он сказал:

– Итак, вот что нужно делать. Выполнишь, мой мальчик? Теперь ты знаешь, что ты предводитель армии, когда Генерал отстает от строя?

Мальчик молча кивнул.

– Ну так как, ты заставишь их маршировать, если я попрошу?

– Да, сэр.

– Добро. И, дай Бог, чтобы много ночей и лет спустя, когда ты доживешь до моего возраста или намного переживешь меня, когда тебя спросят, что ты делал в то страшное время, ты ответишь отчасти скромно, отчасти с гордостью: «Я был барабанщиком в битве при Совинном ручье», – или при реке Теннесси, а может, битву назовут по названию церкви: «Я был барабанщиком при Шайлоу». Подумать только, звучит словно строка из мистера Лонгфелло: «Я был барабанщиком при Шайлоу». Кто может услышать эти слова, мальчик мой, и не узнать тебя, или твои мысли этой ночью, или твои мысли завтра или послезавтра, когда нам суждено подняться на ноги и двигаться!

Генерал встал.

– Итак, благослови тебя Господь, парень. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

И человек зашагал прочь по траве, а с ним – табак, латунь, сапожная вакса, соленый пот и кожа.

Джоби полежал немного, вглядываясь, но не видя, куда удалился человек. Сглотнул слюну. Протер глаза. Откашлялся. Взял себя в руки. Затем, наконец, очень медленно и уверенно повернул барабан пергаментом к небу.

Он лежал с ним в обнимку, ощущая дрожание, прикосновение, приглушенный гром всю апрельскую ночь 1862 года, близ реки Теннесси, неподалеку от Совиного ручья, совсем рядом с церковью под названием Шайлоу, а лепестки персика опадали на барабан.

Ребятки! Выращивайте гигантские грибы у себя в подвалах!

Хью Фортнем проснулся и, лежа с закрытыми глазами, с наслаждением прислушивался к утренним субботним шумам.

Внизу шкворчал бекон на сковородке – это Синтия будит его не криком, а милым ароматом из кухни.

По ту сторону холла Том взаправду принимал душ.

Но чей это голос, перекрывая жужжание шмелей и шорох стрекоз, спозаранку честит погоду, эпоху и злодейку судьбу? Никак соседка, миссис Гудбоди? Конечно же. Христианнейшая душа в теле великанши – шесть футов без каблуков, чудесная садовница, диетврач и городской философ восьмидесяти лет от роду.

Хью приподнялся, отодвинул занавеску и высунулся из окна как раз тогда, когда она громко приговаривала:

– Вот вам! Получайте! Что, не нравится? Ха!

– Доброй субботы, миссис Гудбоди!

Старуха замерла в облаках жидкости против вредителей, которую она распыляла с помощью насоса в виде гигантского ружья.

– Глупости говорите! – крикнула она в ответ. – Чего тут доброго с этими козявками-злыдняшками. Поналезли всякие!

– И какие на этот раз?

– Не хочу кричать, чтобы какая-нибудь сорока не услышала, но... – Тут соседка подозрительно огляделась и понизила голос: – К вашему сведению: в данный момент я стою на первой линии огня и защищаю человечество от вторжения летающих тарелок.

– Замечательно, – отозвался Фортнем. – Недаром столько разговоров, что инопланетяне придут чуть ли не со дня на день.

– Они уже здесь! – Миссис Гудбоди послала на растения новое облако отравы, норовя обрызгать нижнюю поверхность листьев. – Вот вам! Вот вам!

Фортнем убрал голову из окна. Несмотря на приятную свежесть денька, прекрасное поначалу настроение было слегка подпорчено. Бедняжка миссис Гудбоди! Обычно такая образцово разумная. И вдруг такое! Не иначе как возраст берет свое.

В дверь кто-то позвонил.

Он схватил халат и, еще спускаясь с лестницы, услышал незнакомый голос: «Срочная доставка. Дом Фортнемов?» Затем он увидел, как Синтия возвращается от двери с небольшим пакетом в руке.

– Срочная доставка – пакет авиапочтой для нашего сына.

Тому хватило секунды, чтобы оказаться на первом этаже.

– Ух ты! Наверняка из ботанического сада в Грейт-Байю, где культивируют новые виды растений.

– Мне бы так радоваться заурядной посылке! – сказал Фортнем.

– Заурядной? – Том мигом порвал бечевку и теперь лихорадочно сдирал оберточную бумагу. – Ты что, не читаешь последние страницы «Популярной механики»? Ага, вот они!

Все трое смотрели внутрь небольшой коробочки.

– Ну, – сказал Фортнем, – и что это такое?

– Сверхгигантские грибы Сильвана Глейда. «Стопроцентная гарантия стремительного роста. Выращивайте их в своем подвале и гребите деньги лопатой!»

– А-а, разумеется! – воскликнул Фортнем. – Как я, дурак, сразу не сообразил!

– Вот эти вот фигурочки? – удивилась Синтия, щурясь на содержимое коробочки.

– «За двадцать четыре часа достигают невероятных размеров, – шпарил Том по памяти. –

Посадите их у себя в подвале...»

Фортнем переглянулся с женой.

– Что ж, – промолвила она, – это по крайней мере лучше, чем жабы и зеленые змейки.

– Разумеется, лучше! – крикнул Том на бегу.

– Ах, Том, Том! – с легким упреком в голосе сказал Фортнем.

Сын даже приостановился у двери в подпол.

– В следующий раз, Том, – пояснил отец, – ограничивайся обычной бандеролью.

– Полный отпад! – сказал Том. – Они там чего-то перепутали и решили, что я какая-нибудь богатая фирма. Срочно, авиа, да еще с доставкой на дом – нормальному человеку это не по карману!

Подвальная дверь захлопнулась.

Слегка ошарашенный, Фортнем повертел в руках обертку посылки, потом бросил ее в корзину для мусора. По пути на кухню он не удержался и заглянул в подвал.

Том уже стоял на коленях и лопаткой взрыхлял землю.

Фортнем ощутил за спиной легкое дыхание жены. Через его плечо она вглядывалась в прохладный полумрак подвала.

– Надеюсь, это действительно съедобные грибы, а не какие-нибудь... поганки!

Фортнем крикнул со смехом:

– Доброго урожая, фермер!

Том поглядел вверх и помахал рукой.

Опять в распрекрасном настроении, Фортнем прикрыл подвальную дверь, подхватил жену под руку, и они направились в кухню.

Ближе к полудню по дороге к ближайшему супермаркету Фортнем заметил Роджера Уиллиса, тоже члена клуба деловых людей «Ротари», преподавателя биологии в городском университете. Тот стоял у обочины и отчаянно голосовал.

Фортнем остановил машину и открыл дверцу.

– Привет, Роджер, тебя подбросить?

Уиллис не заставил просить себя дважды, вскочил в машину и захлопнул дверь.

– Какая удача! Ты-то мне и нужен. Который день собираюсь с тобой повидаться, да все откладываю. Тебе не трудно сделать доброе дело и минут на пять стать психиатром?

Фортнем изучающе покосился на приятеля. Машина катила вперед на средней скорости.

– Ладно. Выкладывай.

Уиллис откинулся на спинку кресла и сосредоточенно уставился на ногти своих рук.

– Погоди чуток. Веди машину и не обращай на меня внимания. Ага. Ну ладно. Вот что я тебе намеревался сказать: с этим миром что-то неладно.

Фортнем тихонько рассмеялся:

– А когда с ним было ладно?

– Да нет, я имею в виду... Странное что-то... небывалое... происходит.

– Миссис Гудбоди, – произнес Фортнем себе под нос – и осекся.

– При чем тут миссис Гудбоди?

– Сегодня утром она поведала мне о летающих тарелках.

– Нет. – Уиллис нервно куснул костяшку на указательном пальце. – Это не похоже на летающие тарелки. По крайней мере, мне так кажется. Интуиция – это, по-твоему, что?

– Осознанное понимание того, что долгое время оставалось подсознательным. Но только никому не цитируй это наскоро скроенное определение. В психиатрии я всего лишь любитель.

Фортнем снова рассмеялся.

– Хорошо-хорошо! – Уиллис отвернул просветлевшее лицо и поудобнее устроился на сиденье. – Ты попал в самую точку! То, что накапливается на протяжении долгого времени. Копится, копится, а потом – бац, и ты выплюнул, хотя и не помнишь, как набиралась слюна. Или, скажем, руки у тебя грязные, а тебе невдомек, когда и где ты их успел перепачкать. Пыль ложится на предметы безостановочно, но мы ее не замечаем, пока не накопится много, и тогда мы говорим: «Фу-ты, какая грязь!» По-моему, как раз это и есть интуиция. А теперь можно спросить: ну а на меня какая такая пыль садилась? То, что я видел по ночам сколько-то падающих метеоритов? Или наблюдения за странностями погоды по утрам? Понятия не имею. Может, какие-то краски, запахи, загадочные поскрипывания в доме в три часа ночи. Или то, как у меня почесываются волоски на руках? Словом, Господь один ведает, как накопилось столько пыли. Только в один прекрасный день я вдруг понял.

– Ясно, – несколько обеспокоенно сказал Фортнем. – Но что именно ты понял?

Уиллис не поднимал взгляда от своих рук, лежащих на коленях.

– Я испугался. Потом перестал бояться. Потом снова испугался – прямо среди бела дня. Доктор меня проверял. У меня с головой все в порядке. В семье никаких проблем. Мой Джо – замечательный пацан, хороший сын. Дороти? Прекрасная женщина. Рядом с ней не страшно постареть и даже умереть.

– Ты счастливчик.

– Сейчас вся штука в том, что за фасадом моего счастья. А там я трясусь от страха – за себя, за свою семью... А в данный момент и за тебя.

– За меня? – удивился Фортнем.

Он припарковал машину на пустынной стоянке возле супермаркета. Какое-то время Фортнем в полном молчании смотрел на приятеля. В голосе Уиллиса было что-то такое, от чего мороз бежал по спине.

– Я за всех боюсь, – сказал Уиллис. – За твоих и моих друзей и за их друзей. И за всех прочих. Чертовски глупо, правда?

Уиллис открыл дверь, вышел из машины и потом нагнулся посмотреть в глаза Фортнему.

Тот понял: надо что-то сказать.

– И что нам в этой ситуации делать? – спросил он.

Уиллис метнул взгляд в сторону палящего солнца.

– Быть бдительными, – произнес он с расстановкой. – На протяжении нескольких дней внимательно приглядываться ко всему вокруг.

– Ко всему?

– Мы не используем и десятой части способностей, отпущенных нам Богом. Необходимо чутье слушать, зорче смотреть, больше принимать и тщательнее следить за вкусовыми ощущениями. Возможно, ветер как-то странно метет вон те семена на этой стоянке. Или что-то не в порядке с солнцем, которое торчит над телефонными проводами. А может, цикады в вязах поют не так, как положено. Нам следует хотя бы на несколько дней и ночей сосредоточиться по-настоящему: прислушиваться, и приглядываться, и сравнивать свои наблюдения.

– Хороший план, – шутливо сказал Фортнем, хотя на самом деле ощутил нешуточную тревогу. – Я обещаю отныне приглядываться к миру. Но чтобы не прозевать, мне надо хотя бы приблизительно знать, что именно я ищу.

С искренним простодушием глядя на него, Уиллис произнес:

– Если оно тебе попадется – ты не пропустишь. Сердце подскажет. В противном случае нам всем конец. Буквально всем, – последнюю фразу он произнес с отрешенным спокойствием.

Фортнем захлопнул дверцу. Что сказать еще, он не знал. Только почувствовал, как краснеет.

Похоже, Уиллис уловил, что приятелю неловко.

– Хью, ты решил, что я... Что у меня крыша поехала?

– Ерунда, – чересчур поспешно отозвался Фортнем. – Ты просто перенервничал, вот и все. Тебе бы стоило недельку отдохнуть.

Уиллис согласно кивнул.

– Увидимся в понедельник вечером?

– Когда тебе удобно. Заглядывай к нам домой.

Уиллис двинулся через кое-где поросшую бурьяном стоянку к боковому входу в магазин.

Фортнем проводил его взглядом. Неожиданно расхотелось куда-нибудь трогаться отсюда. Фортнем поймал себя на том, что тишина давит на него и он дышит долгими глубокими вдо-
хами.

Он облизал губы. Солёный привкус. Взгляд остановился на голом локте, выставленном в окно. Золотые волоски горели на солнце. На пустой стоянке ветер играл сам с собой. Фортнем высунулся из окна и посмотрел на солнце. Солнце посмотрело на него в ответ таким палящим взглядом, что он шустро втянул голову обратно. Громко выдохнув, вслух рассмеялся. И завел двигатель.

Кусочки льда мелодично позвякивали в живописно запотевшем стакане холодного лимонада, а сам сладкий напиток чуть кислил и доставлял подлинное наслаждение языку. Покачиваясь в сумерках в плетеном кресле на веранде, Фортнем смаковал лимонад, отпивая по маленькому глотку и закрывая глаза. Кузнечики стрекотали на газоне. Синтия, вязавшая в кресле напротив, с любопытством поглядывала на него; он чувствовал ее повышенное внимание.

– Что за мысли бродят у тебя в голове? – наконец спросила она напрямую.

– Синтия, – не открывая глаз, отозвался он вопросом на вопрос, – твоя интуиция не заржавела? Тебе не кажется, что погода предвещает землетрясение? И что все провалится в тартарары? Или что, к примеру, объявят войну? А может, все ограничится тем, что дельфиниум в нашем саду запаршивеет и погибнет?

– погоди, дай пощупаю свои косточки – что они подсказывают.

Он открыл глаза. Теперь наступил черед Синтии закрыть глаза и прислушаться к себе. Возложив руки на колени, она на время окаменела. Потом тряхнула головой и улыбнулась:

– Нет. Никакой войны не объявят. И ни один континент не канет в море. И даже парша не поразит наш дельфиниум. А почему ты, собственно, спрашиваешь?

– Сегодня я встретил уйму людей, предрекающих конец света. Если быть точным, то лишь двух, но...

Дверь на роликах с грохотом распахнулась. Фортнем так и привскочил, словно его ударили.

– Какого!..

На веранде появился Том с садовой корзинкой в руке.

– Извини, что побеспокоил, – сказал он. – Все в порядке, папа?

– В порядке. – Фортнем встал, довольный случаем размять ноги. – Что там у тебя – урожай?

Том с готовностью подошел поближе.

– Только часть. Так и прут – чокнуться можно! Всего каких-то семь часов плюс обильный полив, а поглядите, какие они вымахали! – Он поставил корзинку на стол перед родителями.

Урожай действительно впечатлял. Сотни небольших серовато-коричневых грибов торчали из кома влажной земли.

Фортнем изумленно ахнул. Синтия потянулась было к корзинке, но потом с нехорошим чувством отдернула руку.

– Не хочу портить вам радость, и все же... Вы совершенно уверены, что это грибы, а не что-то другое?

Том ответил ей оскорбленным взглядом:

– Чем я, по-твоему, собираюсь накормить вас? Бледными поганками?

– Да нет, мне просто почудилось, – поспешно сказала Синтия. – А как отличить грибы полезные от ядовитых?

– Съесть их, – отрезал Том. – Если останешься живым – значит, полезные. Если с копыт долой – значит, увы и ах. – Том расхохотался.

Фортнему шутка понравилась. Зато Синтия только заморгала и обиженно села в кресло.

– Лично мне они не по душе! – заявила она.

– Фу-ты ну-ты! – раздраженно передразнил Том, подхватывая корзинку. – Люди, кажется, тоже делятся на полезных и ядовитых.

Том зашаркал прочь. Отец счел нужным окликнуть его.

– Да ладно, проехали, – сказал Том. – Все почему-то думают, что их убудет, если они поддержат инициативного парнишку. Да провались оно пропадом!

Фортнем пошел в дом за Томом и видел, как тот остановился на пороге подвала, швырнул корзинку с грибами вниз, с силой захлопнул дверь и выбежал из дома через задний выход.

Фортнем оглянулся на жену, виновато отводящую глаза.

– Прости меня, – сказала она. – Уж не знаю, что меня за язык потянуло, но я не могла не высказать Тому свое мнение. Я...

Зазвонил телефон. У аппарата был длинный провод, поэтому Фортнем вышел с ним на веранду.

– Хью? – спросила Дороти Уиллис. В ее до странности усталом голосе слышались испуганные нотки. – Хью, Роджер не у вас?

– Нет, Дороти. Его здесь нет.

– Он ушел из дома! Забрал всю свою одежду из гардероба. – Она расплакалась.

– Дороти, не падай духом! Я буду у тебя через минуту.

– Да, мне нужна помощь. Помогите мне! Что-то нехорошее с ним случилось, я чувствую. – Снова всхлипы. – Если вы ничего не предпримете, мы его больше никогда не увидим живым!

Фортнем медленно положил трубку, до последнего момента полную горестных причитаний Дороти. Вечерний стрекот кузнечиков вдруг стал оглушительным. Фортнем ощутил, как волосы у него на голове встают дыбом – волосок за волоском, волосок за волоском.

На самом деле волосы на голове не способны становиться дыбом. Это только выражение такое. И очень глупое. В реальной жизни волосы не могут подняться сами собой.

Но его волосы это сделали – волосок за волоском, волосок за волоском.

Вся мужская одежда действительно исчезла из чуланчика-гардеробной. Фортнем в задумчивости погонял пустые проволочные вешалки туда-сюда по штанге, потом повернулся и выглянул наружу, где стояли Дороти Уиллис и ее сын Джо.

– Я просто шел мимо, – доложил Джо. – И вдруг вижу – гардероб пустой. Одежды отца как не бывало.

– Все было прекрасно, – сказала Дороти. – Жили душа в душу. Я просто не понимаю. Я просто не могу понять. Совершенно не могу! – Закрыв лицо ладонями, она опять разрыдалась.

Фортнем выбрался из гардеробной и спросил Джо:

– А ты слышал, когда отец уходил из дома?

– Мы с ним играли в мяч на заднем дворе. Папа говорит: «Я ненадолго зайду в дом». Сперва я поиграл сам, а после пошел за ним. А его и след простыл!

– Я думаю, – сказала Дороти, – он по-быстрому собрал вещи и ушел пешком. Если его где-то ждало такси, то не у дома: мы бы услышали звук отъезжающей машины.

Теперь все трое шли через холл.

– Я проверю вокзал и аэропорт, – сказал Фортнем. – И вот еще... Дороти, в семье Роджера никто, часом, не...

– Нет, это не приступ безумия, – решительно возразила Дороти. Потом куда менее уверенно добавила: – У меня такое странное чувство, будто его украли.

Фортнем отрицательно мотнул головой:

– Это против здравого смысла. Собрать вещи и выйти навстречу своим похитителям!

Приоткрыв входную дверь, словно она хотела пустить в дом вечерний сумрак или ночной ветер, Дороти обернулась и обвела взглядом весь нижний этаж.

– Это похищение, – медленно произнесла она. – Они каким-то образом проникли в дом. И выкрали его у нас из-под носа. – Она помолчала и добавила: – Что-то страшное уже случилось.

Фортнем вышел на улицу и замер среди стрекота кузнечиков и шороха листьев. Прорицатели конца света, подумал он, свое слово сказали. Сперва миссис Гудбоди, затем Роджер. А теперь их компания пополнилась женой Роджера. Что-то страшное уже случилось. Но что именно, черт возьми? И почему?

Он оглянулся на Дороти и ее сына. Джо моргал, сгоняя слезы на щеки. Потом медленно повернулся, прошел через холл, остановился у входа в подвал и взялся за ручку двери.

Веки Фортнема дернулись, зрачки сузились, словно он пытался вспомнить какую-то картинку.

Джо распахнул дверь, начал спускаться по лестнице вниз и наконец пропал из виду. Дверь за ним медленно прихлопнулась сама собой.

Фортнем открыл рот, чтобы сказать что-то, но тут Дороти схватила его за руку, и ему пришлось посмотреть в ее сторону.

– Умоляю, найдите его для меня!

Он поцеловал ее в щеку:

– Я сделаю все, что в человеческих силах.

Все, что в человеческих силах. Боже мой, с какой стати он выбрал именно эту формулу?

Он заспешил прочь от дома Уиллисов.

Хриплый вдох и тяжелый выдох, опять хриплый вдох и тяжелый выдох, астматический судорожный вдох и шипящий выдох. Неужели кто-то умирает в темноте? Слава богу, нет.

Просто за живой изгородью невидимая миссис Гудбоди так поздно все еще занята работой – выставив костлявые локти, орудует своей пушкой-распылителем. Чем ближе Фортнем приближался к дому, тем больше его окутывал одуряюще сладкий запах средства по борьбе с насекомыми.

– Миссис Гудбоди! Все трудитесь?

Из-за темной живой стены донеслось:

– Да, черт возьми. Будто мало нам было тли, водяных клопов, личинок древоточца! Теперь припожаловали *Marasmius oreades*. Растут как из пушки.

– Любопытное выражение.

– Теперь или я, или эти *Marasmius oreades*. Я им спуску не дам, я им задам жару! Изничтожу! Вот вам, гадам, вот!

Он миновал живую изгородь, чахоточную помпу и визгливый голос. У дома его поджидала жена. Фортнему почудилось, что он прошел через зеркало: от одной женщины, провожавшей на крыльце, к другой – на крыльце встречающей.

Фортнем уже открыл рот доложить о происходящем, но тут заметил движение внутри, в холле. Шаги, скрип досок. Поворот дверной ручки.

Это сын в очередной раз скрылся в подвале.

Будто бомба разорвалась перед Фортнемом. Голова пошла кругом. Все было цепеняще знакомо, словно въяве сбывался старый сон и каждое предстоящее движение тебе заранее известно, как и каждое слово, которое еще не сошло с губ говорящего.

Он поймал себя на том, что тупо смотрит через холл на дверь подвала. Вконец озадаченная Синтия потянула мужа за рукав и втащила в дом.

– У тебя такой взгляд из-за Тома? Да я уже смирилась. Он принимает эти чертовы грибы так близко к сердцу. А впрочем, им нисколько не повредило то, что он швырнул их с лестницы вниз. Шлепнулись на земляной пол и растут себе дальше...

– Растут, значит? – пробормотал Фортнем, думая о своем.

Синтия тронула его за рукав:

– Как насчет Роджера?

– Он действительно пропал.

– Мужчины, мужчины, мужчины...

– Нет, ты не права, я виделся с Роджером почти ежедневно на протяжении последних десяти лет. Когда столько общаешься, видишь человека насквозь и можешь с точностью сказать, как у него дома – тишь и гладь или ад крошечный. До сих пор он не ощутил дыхания смерти в затылок; он не паниковал и не пытался, выпучив глаза, гоняться за вечной юностью, срывая персики в чужих садах. Нет-нет, могу поклясться, могу поставить на спор все до последнего доллара, что Роджер...

За их спинами раздался звонок. Это посыльный с почты неслышно взошел на крыльцо и ждал с телеграммой в руке, когда ему откроют дверь.

– Дом Фортнемов?

Синтия поспешно включила люстру в прихожей, а Фортнем стремительно разорвал конверт, разгладил бумажку и прочел:

НАПРАВЛЯЮСЬ НОВЫЙ ОРЛЕАН. ЭТА ТЕЛЕГРАММА ВОЗМОЖНО НЕОЖИДАННОСТЬ. ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТ ПОЛУЧЕНИЯ, ПОВТОРЯЮ, ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТ ПОЛУЧЕНИЯ ЛЮБЫХ ПАКЕТОВ СРОЧНОЙ ДОСТАВКИ. РОДЖЕР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.